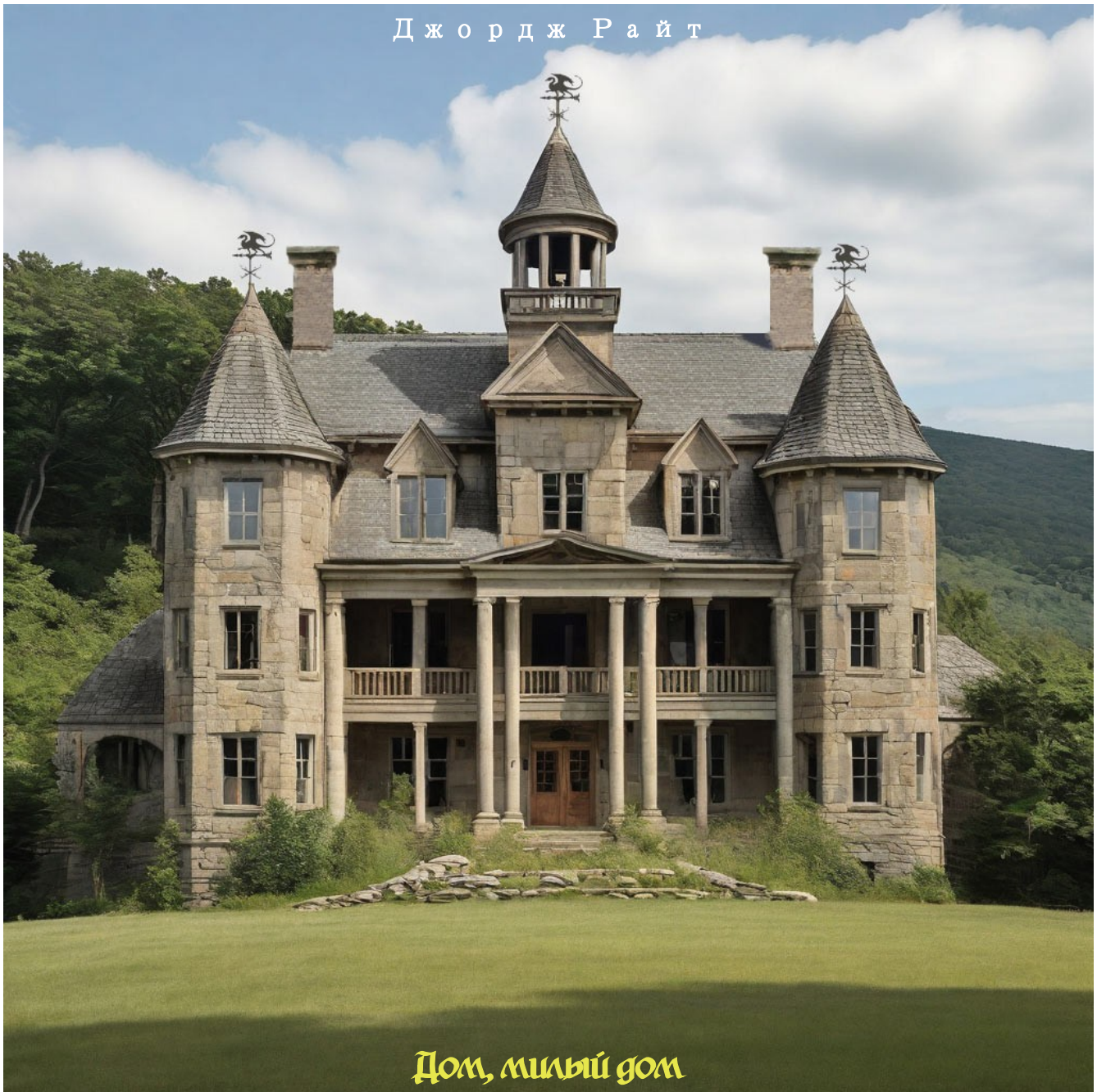

Д ж о р д ж Р а й т

Дом, милый дом

– Папа, давай поселимся здесь! – Сьюзи вбежала в комнату. Ее льняные кудряшки растрепались, щеки порозовели от ветра, большие синие глаза сияли энтузиазмом. Она торчала на балконе с самого утра, и Мэри даже опасалась, что она простудится – все-таки в этих краях совсем не так тепло, как на Юге, где они жили прежде, а любоваться пейзажем можно и через окна. Но Сьюзи было мало картинок. Она любила солнце и ветер, доносящий то аромат цветущих лугов, то свежий и влажный дух недавней грозы, то йодистый запах океана.

Джек нехотя поставил спортивный канал на паузу и вышел на балкон вслед за дочерью.

Вид, простиравшийся внизу, и в самом деле был очаровательным, словно картинка из интернет-галереи. Но, разумеется, никакая компьютерная графика или обработка фильтрами были тут ни при чем (Джек даже поднял виртуальные очки на лоб, чтобы убедиться) – это была

самая натуральная реальность. Плавные очертания пологих округлых холмов, одетых зеленым бархатом трав, разбрызганные тут и там яркие пятна желтых и фиолетовых цветов, извилистая лента реки, сверкающая на солнце, а дальше – живописные скалы, неспешно катящиеся к берегу глянцево-голубые волны и темно-синий простор океана.

– Да, выглядит неплохо, – согласился Джек. – Хотя зимой тут совсем не так здорово. Все завалит снегом, и будет такая холодрыга, что носу на улице не высунешь.

– Ну, нам же не обязательно оставаться здесь на зиму, – логично возразила Сьюзи. – Хотя мне бы хотелось поиграть в настоящем снегу. В фильмах это весело. А мы всегда улетаем до того, как он выпадет...

– Ничего особо веселого, можешь мне поверить, – ответил Джек. – Я прожил на Аляске первые одиннадцать лет моей жизни, прежде чем мои родители, твои дедушка и бабушка, смогли купить дом. И возненавидел холод на всю оставшуюся жизнь. Но, конечно, если тебе так хочется узнать, что такое настоящая зима, мы можем и задержаться до первых снегопадов. Если мама и Питер не будут возражать, – добавил он с улыбкой.

– Питер уж точно не будет, – Сьюзи состроила гримаску. – Пока он сидит за своим компом, ему вообще все равно, что там вокруг – хоть снег, хоть огонь.

– Мэри! – позвал Джек, вновь надевая очки и включая громкую связь.

Изображение жены возникло прямо на фоне пейзажа. Мэри возилась на кухне – очевидно, в очередной раз программировала пищевой синтезатор на какую-нибудь экзотику. Кулинария была ее хобби, и пользоваться базовым набором программ она считала ниже своего достоинства.

– Как тебе местность? Сьюзи предлагает поселиться здесь.

Мэри там у себя на кухне подошла к окну.

– Красиво, – согласилась она. – Но мы же собирались лететь дальше? Ты говорил, что мечтаешь пожить на острове.

– Ну, в смысле отсутствия докучливых соседей тут почти что остров, – ответил Джек, изучая картинку, выведенную компом в очки. – Ни одного транспондера в радиусе тридцати миль.

– Даже странно, что в таком симпатичном месте никто не селится.

– Большинство сейчас предпочитает более теплые края, сама знаешь. Я бы их тоже предпочитал, если бы в той же Флориде не жило сейчас шестьдесят миллионов человек, а зимой чуть не вдвое больше.

– Ну, если вам со Сьюзи тут нравится, почему бы нет. Только, Сьюзи – слышишь меня?

– Да, мама!

– Обещай, что не полезешь купаться без меня или папы. Даже по колено в море не заходи, поняла? Это очень опасно, там волны и течения, они могут унести от берега.

– Хорошо, мама, – легко согласилась Сьюзи.

– И брату своему не давай. Если он надумает, скажи мне.

– Ладно.

– Да куда они не полезут, – сказал Джек. – Здесь вода слишком холодная, чтобы купаться, даже летом.

– Вот и хорошо.

"Навигация", – скомандовал Джек компу. "Посадка. Поселение."

Дом уменьшил горизонтальную скорость и пошел на снижение. Он проскользнул низко над вершинами холмов (к восторгу Сьюзи, обожавшей брющие полеты), затем еще ниже, между холмами, пролетел над речкой, аккуратно повторяя ее извивы, пока не достиг того места, где она срывалась невысоким водопадом перед самым впадением в море. Здесь комп выбрал ровную площадку на речном берегу и плавно опустил дом. Ровное гудение гравикомпенсаторов, к которому люди так привыкли за время полета, смолкло, и настала первозданная тишина,

нарушаемая лишь шумом маленького водопада и отдаленным шелестом прибоя – но более ничем. Вокруг не было никаких признаков цивилизации, и легко было поверить, что они одни на целой планете.

Впрочем, дом, разумеется, продолжал выполнять стандартные послепосадочные процедуры. Транспондер переключился из полетного в стационарный режим, транслируя координаты – новый временный адрес дома Смитсонов, который был тут же зарегистрирован в базе данных почтовой службы на случай, если жильцам потребуется доставить что-то более материальное, чем электронную почту. Тогда дрон с посылкой прилетит прямо сюда. Впрочем, запасов пищевых концентратов для синтезатора им хватило бы еще на пару месяцев, а порошка для 3D-принтера и на большой срок. Батареи переключились в режим зарядки; в стационарном режиме системам дома обычно хватало солнечной энергии, и лишь для полета требовалось заряжаться лазером со спутника. Из основания дома высунулось щупальце водопровода и поползло, вытягиваясь на глазах, в сторону реки. Все отходы перерабатывались и утилизировались в подвале дома – всё в строгом соответствии с принципом устойчивой экологии.

Джек вошел в комнату сына, на двери которой красовались большая эмблема биологической опасности и знак "Осторожно, пришельцы!" Внутри царил полный мрак – окна были затемнены (перпендикулярная поляризация), и во тьме лишь слабо светился контур виртуальных очков.

– Привет императору Галактики! – произнес Джек не через комп, а напрямую, и ему пришлось повысить голос, чтобы Питер расслышал его сквозь звуки игры в ушных имплантах. – Земля вызывает Питера.

– Ну чего? – в комнате чуть посветлело – Питер из вежливости слегка изменил поляризацию окон.

– Мы только что приземлились, если ты не заметил. Отправляемся со Сьюзи исследовать новый мир. Совершенно дикий, ни одного человеческого поселения на тридцать миль вокруг. Составишь нам компанию?

– Ммм... – неопределенно протянул Питер. В принципе, ему было любопытно, куда они прилетели, и не хотелось, чтобы младшая сестра разведала тут все раньше него и потом корчила из себя знатока-старожила. Но и отрываться от игры тоже не хотелось.

– У тебя есть выбор, – дождался отец. – Ты можешь возглавить экспедицию первопроходцев. Или ты можешь остаться дома помогать маме готовить ужин.

Ни в какой помощи Мэри, конечно, не нуждалась – после того, как она закончит возиться с программой, пищевой синтезатор сделает все сам. Но Питер уже заглохнул наживку:

– Возглавить?

– Да, капитан Питер. Но если вы чересчур заняты игрушками, мне придется, со всем сожалением, передать эту роль лейтенанту Сьюзи. Так как?

– Ладно, идем! – Питер вскочил с кресла.

Десять минут спустя троица вышла из дома. Питер покрутил головой – ему хотелось сходить и к водопаду, и к морю – но затем с важным видом указал на вершину ближайшего холма:

– Туда! Первым делом мы должны занять господствующую высоту!

И они полезли на холм, распугивая прыгавших из травы кузнечиков и стрекоз с желто-коричневыми полосами на крыльях. В небе реяла кругами какая-то птица – вероятно, единственное, кроме Смитсонов, двуногое существо на много миль вокруг. Казалось, что они и впрямь высадились на необитаемую планету. Зеленые холмы, синее небо с редкими облаками и никаких признаков цивилизации. Не то что в южных краях, где дома натканы повсюду чуть ли не вплотную, особенно вблизи побережья, и, задрав голову, непременно увидишь еще парочку плывущих по воздуху в поисках еще не занятого места для посадки. Некоторые так и болтаются в воздухе по несколько дней, выжидая, пока внизу освободится место. Это, конечно, большой

расход энергии, но кое-кто может себе такое позволить...

По мере подъема ветер с океана становился все свежее, но Джеку это было только приятно, ибо, в то время как дети весело скакали впереди, он, по правде говоря, вспотел и запыхался. Все-таки тренажеры, на которых он уныло отрабатывал обязательный минимум каждое утро, не заменяют в полной мере естественных нагрузок, что бы там ни вещала реклама. Надо больше гулять на открытом воздухе – вот теперь у него будет хорошая возможность. Здесь уж точно никто не будет косо смотреть на сорокалетнего мужчину, совершающего мотион на улице – дескать, неужели сотрудник маркетингового отдела "Хаузер Хаусинг Инк." настолько беден, что не может оборудовать собственный дом приличными тренажерами? Может, он даже заставит себя окунуться в холодный океан, который, конечно же, не чета подогретому бассейну у них на первом этаже. Вода в бассейне – не просто роскошь, она еще и охлаждает компенсаторы во время работы, очень разумно устроенная конструкция, но как раз по этой причине в полете она всегда теплая. Есть модели домов с дополнительным охлаждающим контуром, и тренажерный зал там тоже больше и лучше оборудован, но такие модели Смитсонам пока что и впрямь не по карману...

Питер, как и положено "капитану", добрался до вершины первым и гордо встал там в картинной позе, повернувшись в сторону океана.

– Я, капитан Питер Смитсон, по праву первооткрывателя нарекаю эту планету Мир Питера и объявляю ее колонией Земли, – провозгласил он.

– Опять Мир Питера? – ехидно осведомилась Сьюзи, подходя с букетиком свежесорванных цветов. – Уже был в Джорджии. А до этого в Калифорнии.

– Это было в прошлых играх, – отмахнулся Питер. – И вообще, как хочу, так и называю. По праву первооткрывателя.

– Ты не первооткрыватель, – Сьюзи высунула язычок. – Во-первых, это я нашла это место. А ты бы так и сидел за компом, если бы папа тебя не позвал.

Возразить на это по существу было нечего, и Питер примирительно пробормотал:

– Ладно, я назову в честь тебя здешнюю луну, если ты не будешь вред...

– А во-вторых, – Сьюзи было не остановить, – посмотри-ка вон туда, – она указала пальчиком вниз, на склон соседнего холма, который они еще не видели.

– Ух ты! – воскликнул Питер, мигом забыв об обиде на придирки сестры.

Джек, наконец, вскарабкался на вершину следом за детьми.

– Ну, что тут у нас?

Питер показал.

– Хм... – пробормотал Джек совсем не восторженным тоном. – Выходит, мы тут все-таки не одни...

Внизу на склоне соседнего холма стоял дом. Но совсем не такой, как тот, на котором прилетели Смитсоны. У него тоже было три этажа, но никаких округлых форм, которые делали бы его похожим на толстую летающую тарелку. Он выглядел в точности как в исторических фильмах – старинный особняк с колоннами, двумя островерхими башенками по углам и крутой двускатной крышей с мощными дымовыми трубами. Крыша была крыта самой натуральной черепицей, потемневшей от времени, над башнями торчали ржавые флюгера, а из-под местами осыпавшейся штукатурки проглядывали кирпичи. Длинная трещина змеилась и поперек одной из колонн.

– Крутой закос под старину, – оценил Питер. – Наверняка кучу денег стоит. Это сколько ж энергии он жрет в полете? Даже чтобы просто поднять такую махину... а у него еще и форма такая необтекаемая...

– Да он легкий, небось, – возразила умная Сьюзи. – Ты что думаешь, это настоящие кирпичи, что ли? Декорация!

– Нет, ребята, – покачал головой Джек, внимательно разглядывая дом. – Он, по-моему,

вообще не летает. Если бы он просто сел на склон, там все полы были бы под таким углом, что невозможно жить. А он прямо вкопан в этот склон. Я не знаю моделей, которые так умеют... да это и по закону не положено – нарушение экологических стандартов, повреждение почвы... Сигнала от транспондера нет, опять же. Даже если у них там что-то с электричеством – у транспондера автономная батарея, аварийный сигнал пошел бы автоматически, и здесь уже были бы ремонтники...

– Тогда что же это такое? – Питер посмотрел на отца с недоумением, а затем его глаза расширились от восторга: – Ты хочешь сказать, что это *настоящий* старый дом?

– Похоже на то.

– Разве их не утилизировали?

– Большинство утилизировали, конечно, чтобы не занимали место и не вредили экологии. Ну, кроме тех, что признали историческими памятниками – но это точно не памятник, у всех туристических объектов тоже есть транспондеры... Но некоторые чудики отказались продавать свои дома и участки. Частная собственность священна, – Джек пожал плечами, словно извиняясь за то, что и в нынешнее цивилизованное время находятся столь отсталые типы, и с их капризами приходится мириться.

– Значит, там кто-нибудь живет? – спросила Сьюзи.

Джек еще некоторое время разглядывал старый дом.

– Не думаю, – вынес он наконец вердикт. – По-моему, этот дом давно заброшен.

– Тогда мы должны пойти и обследовать его! – загорелся идеей Питер.

– Там может быть небезопасно, – покачал головой Джек. – Провалится пол или рухнет балка на голову..

– А может, там живет вампир, – кровожадно подхватила Сьюзи. – Днем прячется от солнца в подвале, а ночами выходит наружу. А если ты его потревожишь, он схватит тебя, утащит в холодную темноту и выпьет твою кровь!

– Вампиров не бывает, – презрительно поморщился Питер. – Только глупые девчонки верят в сказки.

– Ага, а ты сам в инопланетян веришь!

– Инопланетяне – совсем другое дело. Они научно обоснованы, – важно ответил Питер, но, видя, что сестра собирается спорить, тут же добавил. – Папа, ну скажи ей!

– Никаких вампиров там, конечно, нет, и инопланетян тоже, – сказал Джек. – А вот гнилые балки – запросто. Или крысы, – добавил он по наитию, желая отбить у детей охоту лезть в развалины. – Здоровенные жирные крысы с вот такими зубами.

Импровизация, однако, оказалась удачной ровно наполовину: Сьюзи брезгливо сморщилась, зато Питер еще более воодушевился:

– Капитан Питер Смитсон не боится враждебных форм жизни!

– Если тебя укусит крыса, придется отправлять тебя в больницу, – строго сказал Джек. – Они переносят бешенство и другую заразу, это совсем не шутки. И кроме того, заброшенный или нет, этот дом чья-то частная собственность. Мы не можем входить туда без разрешения.

– А может, его не у кого спрашивать, – предположила вдруг Сьюзи. – Может, владелец умер и лежит там мертвый. Его скелет обтянут паутиной, а его призрак ждет в темноте непрошенных гостей – последние слова она почти провыла, вытягивая руки со скрюченными пальцами к Питеру; похоже, ей непременно хотелось напугать старшего брата – или, по крайней мере, заполучить повод сказать, что тот испугался, когда отец не разрешит им идти в дом.

Джек, однако, подумал, что эта версия может оказаться правдой – за вычетом призрака, разумеется. Что, если и в самом деле какой-нибудь выживший из ума старик – а кто еще может жить в подобном доме? – консервативный настолько, что даже не стал вживлять себе медицинский чип, мониторящий состояние здоровья и своевременно вызывающий помощь...

– Мы должны обследовать! – решительно заявил Питер, срывая надежды сестры

выставить его трусом.

– Нечего нам там делать, – покачал головой Джек.

– Ну па-ап... мы не будем заходить внутрь, просто подойдем и посмотрим снаружи, живет там кто-нибудь или нет. Если там живут, нам же все равно надо познакомиться с соседями? И потом, ты сказал, я командую экспедицией!

Джек размышлял. Сейчас, конечно, ему ничего не стоит отстранить "капитана Питера" от командования, но он не сможет все время следить за мальчишкой потом. И если тот вобьет себе в голову, то непременно улучит момент и полезет в старый дом один, не взяв с собой даже Сьюзи для подстраховки, чтобы та не наябедничала. Самый опасный вариант! Уж лучше бы Питер сидел и дальше за своими компьютерными играми. Но, похоже, теперь он загорелся всерьез – какая компьютерная иллюзия сравнится с настоящим приключением? Лучше и в самом деле сходить туда сейчас – со всей возможной осторожностью – и продемонстрировать детям, что в развалинах нет ничего интересного, кроме пыли и плесени.

– Ладно, давайте сходим и посмотрим, – нехотя согласился Джек. – Но никуда не лезть без моей команды! Скорее всего, просто обойдем дом снаружи и все. И вы увидите, что это просто старая рухлядь, подлежащая утилизации.

Сьюзи, похоже, сама себя напугала своими выдумками и была бы и рада никуда не идти – но теперь уже ей не хотелось подставляться под насмешки брата. Питер же, напротив, весело поскакал вниз; отец и сестра еле поспевали за ним.

Дом казался не так уж далеко, однако спуск и новый подъем заняли у них почти сорок минут. Но вот, наконец, они подошли к старинному зданию. Вблизи оно выглядело еще более унылым и заброшенным, чем издали: полуутопленное в земле выщербленное каменное крыльцо, в трещинах которого зеленел мох, облупившийся фасад, ржавые потеки под оборвавшейся в паре метров над землей водосточной трубой, надколотый трещиной фронто́н, закрытые ставни на большинстве окон – впрочем, в тех, что оставались открытыми (такие были только на втором и третьем этаже), стекла все же уцелели, но разглядеть за ними нельзя было ничего, кроме темноты. Теперь уже совершенно не оставалось сомнения, что дом – никакая не декорация под старину, и внутри нет никаких гравикомпенсаторов; Джек даже не был уверен, что там есть самое обычное электричество.

Высокая двустворчатая дверь, впрочем, была на месте, и Джек после краткого колебания поднялся по щербатым, протоптанным до вмятин ступенькам и потянул за тяжелые ручки, деревянные с латунными набалдашниками сверху и снизу. Бесполезно – двери оказались заперты. Джек поискал взглядом экран переговорного устройства, но нашел только круглый, такой же латунный звонок с кнопкой. Он нажал кнопку, ожидая услышать резкий трезвон, но изнутри не донеслось ни звука. То ли толстые деревянные двери и каменные стены так хорошо обеспечивали звукоизоляцию, то ли электричества и впрямь не было.

– Видите, дети, здесь все заперто и давно никто не живет, – констатировал он с облегчением, поворачиваясь к Питеру и Сьюзи, ждавшим внизу у крыльца.

– Мы еще не обошли вокруг дома, – упрямо возразил Питер.

– Ну хорошо, пойдем обойдем, – согласился Джек, спускаясь с крыльца, – только, даже если там отыщется какое-нибудь открытое окно, внутрь мы не полезем. Это называется "незаконное проникновение", и за это сажают в тюрьму. Ты понял меня, Питер?

– А что сразу Питер? – обиделся мальчик.

– Потому что Сьюзи уж точно не полезет в эти развалины через разбитое окно, да, Сьюзи?

Но вместо того, чтобы подтвердить слова отца, девочка вдруг вскрикнула: "Смотрите!" и вскинула руку, указывая куда-то наверх.

Джек и Питер задрали головы. Они проходили как раз мимо правой (если стоять лицом к фасаду) угловой башни с узкими высокими окнами, похожими на бойницы замка. Сьюзи

указывала на такое окно на третьем этаже.

– И что там? – не понял Джек, не увидев ничего примечательного.

– Там кто-то был!

– Тебе померещилось, – презрительно откликнулся Питер.

– Нет, был! Какой-то старик с бородой! А когда он увидел, что я на него смотрю, он отпрянул вглубь!

– Призрак, ага, – продолжал издеваться Питер.

– Может, и нет, – пробормотал Джек, продолжая вглядываться в окно, но снизу под таким углом, да еще с солнечной улицы, ничего нельзя было разглядеть. Вдруг ему показалось, что он тоже различил какое-то движение – не фигуру человека, скорее тень на потолке.

– Сэр! – громко крикнул Джек. – Просим прощения за беспокойство! Мы ваши новые соседи, прилетели только сегодня! Просто зашли познакомиться и узнать, не нужно ли вам чего. Но если нет, мы сейчас уйдем и больше не будем вас тревожить!

Никакой реакции не последовало, и, прождав около минуты, Джек приобнял за плечи обоих детей: – Ладно, идем отсюда. Если тут и вправду кто-то живет, невежливо рыскать у него под окнами без его разрешения.

Они двинулись прочь – к явному неудовольствию, похоже, не только Питера, но и Сьюзи – и отошли уже на несколько метров, когда позади скрипнула сдвигаемая рама и хриплый голос сказал: "Ладно, заходите, раз пришли."

Они обернулись и действительно увидели в проеме узкого окна третьего этажа старика с окладистой седой бородой, словно сошедшего со старинного портрета или с экрана исторического фильма о временах пилигримов. Он стоял и смотрел и смотрел на них; его суровое лицо совсем не казалось воплощением гостеприимства. Тем не менее, он позвал их; Сьюзи, кажется, не очень была этому рада, должно быть, заподозрив, что если одиноко живущий в таком месте бородатый старик и не призрак, то уж точно какой-нибудь колдун, знающийся с нечистой силой – однако, пока Джек размышлял, стоит ли принимать сделанное явно с неохотой приглашение (но с другой стороны, никто ведь не заставлял старика окликать их, когда они уже уходили?), Питер радостно устремился обратно к дверям.

– Не сюда, – брюзгливо остановил его старик. – Парадный вход заперт. Заходите через дверь в башне, потом по лестнице наверх, – он показал рукой, что им следует обойти башню вокруг.

Так оно и поступили. Обогнув выступающую из угла дома башню, они уперлись в торец здания, лишенный каких-либо окон; лишь внизу имелась обшарпанная дверь, совсем не похожая на внушительные двери главного входа. Джеку пришлось тянуть за ручку с усилием – низ двери скреб по земле.

Внутри царил полумрак и пахло, как в антикварной лавке в Хэмптоне – одном из немногих городов, сохранных в качестве исторического памятника – где Смитсоны побывали, когда жили в Вирджинии. Запах старого дерева, пыли и чего-то еще архаичного, что Джек не смог бы даже назвать. Слева была лестница в башню – вопреки ожиданию Джека, не винтовая, а обычная, хотя и с изрядно крутыми пролетами. Коридор уводил мимо нее в большой неосвещенный холл, где угадывались во мраке большой камин и свисавшая с потолка люстра в чехле. Никаких светящихся стен, никакого пластика и композитов, никаких освежителей и ароматизаторов, и Джек даже сомневался, есть ли во всем этом сооружении хоть один робот-уборщик.

Питер рвался исследовать холл, который, похоже, казался ему чем-то вроде древнего логова пиратов со спрятанными в пыльных сундуках сокровищами, но Джек строго напомнил сыну, что туда их не приглашали, и троица стала подниматься по лестнице мимо ведущих в башню закрытых дверей первого и второго этажа.

Дверь на третьем была уже открыта. За нею оказалась небольшая шестигранная комната,

в которой почти не было мебели – только плетеное кресло, застеленная коричневым покрывалом кушетка и – Джек почти не поверил своим глазам, хотя в таком месте вполне можно было ожидать подобного – шкаф с настоящими бумажными книгами. Единственным источником света в комнате были три узких высоких окна – одно в угловой грани и по одному в гранях, выходящих на фасад и на торец основного здания. Хозяин сидел в том самом кресле, развернув его в сторону гостей – это был тот максимум вежливости, который он решил им уделить; приподняться при их появлении он не удосужился. Одет он тоже был старомодно – не как в исторических фильмах или тех же городах-памятниках, где живые актеры изображают людей прошлого, но Джек отметил про себя, что нормальные люди не одеваются так уже лет двадцать.

– Просим прощения за вторжение, – еще раз сказал Джек вслух. – По правде говоря, мы не знали, что вы тут живете, пошли гулять и наткнулись на ваш дом случайно. Иначе захватили бы пирог... Меня зовут Джек Смитсон, а это мои дети Питер и Сьюзан. Моя жена Мэри осталась дома, но она передает вам привет.

"Тьфу, черт! – тут же выбралил себя Джек за сорвавшееся с языка привычное лицемерие. – Я же только что сказал, что мы о нем понятия не имели – как Мэри могла передать привет? Ужасно неудобно иметь дело с человеком без транспондера..."

– Роджер Эгглстоун, – пробурчал в ответ хозяин, никак не показав, что заметил его оплошность. – Стулья надо тащить из другой комнаты... но вы можете сесть на кушетку.

Гости воспользовались приглашением – Джек сел посередине (кушетка скрипнула), дети по бокам. Питер крутил головой по сторонам, осматриваясь в столь необычном месте, Сьюзи прижималась к отцу – похоже, этот угрюмый бородатый старик (когда она вообще в последний раз – если хоть когда-нибудь – видела человека с бородой вживую, а не в кино?) все еще внушал ей дискомфорт. Вблизи, впрочем, этот человек выглядел не таким древним, как им показалось с улицы; Джек подумал, что ему еще нет шестидесяти. Хотя, конечно, современные достижения медицины позволяют выглядеть так и в восемьдесят – если, разумеется, этот тип ими пользуется...

– Ваш дом не отображается на карте, – продолжал Джек извиняющимся тоном. – У вас не работает транспондер?

– Что такое транспондер? – равнодушно спросил Эгглстоун.

– Ну... – Джек даже растерялся от такого вопроса, – это устройство, передающее бортовой номер и координаты каждого летательного аппарата.

– Мой дом похож на летательный аппарат?

– Вообще-то не очень, – Джек растянул губы в улыбке. – Но сейчас транспондерами оснащают и наземные объекты. Просто, вы понимаете, для удобства путешественников...

– Почему меня должно волновать удобство путешественников? Мне здесь вполне удобно и без них.

– Вы живете тут один?

– Да.

– Совсем один, все время на одном месте? – продолжал допытываться Джек, не в силах поверить в такое.

– А что, вышел какой-нибудь новый закон, который это запрещает?

– Да нет, конечно. У вас тут вообще довольно мило... эти холмы, море, и все такое... мы, по правде говоря, сами решили отдохнуть от толп народу, поэтому и поселились здесь. Но это же на пару месяцев, максимум до зимы – а оставаться на одном месте всю жизнь... – Джек беспомощно пожал плечами, показывая, что не может даже вообразить подобную перспективу.

– Сколько лет вашему дому, мистер?

– Смитсон, – с вежливой улыбкой подсказал Джек.

– Мистер Смитсон. Точнее, тому летающему соуснику, который вы называете домом.

– Вообще-то уже семь, – с неохотой признал Джек. – Я понимаю, для сотрудника "Хаузер

Хаусинг" это не очень прогрессивно, тем более что компания предоставляет своим работникам скидки на апгрейд... но, вы понимаете, у нас двое детей, а это все-таки расходы. Я надеюсь получить повышение в этом году... хотя об этом еще рано говорить, но... – вот тогда, конечно, мы сразу купим новую модель.

– А мне нравится наш дом, – тихо заметила Сьюзи. – Я не хочу новый.

– Ты просто не знаешь, как это здорово, – снисходительно пояснил ей Джек. – Ты не помнишь, когда мы меняли дом в последний раз, тебе было всего два года. А на самом деле это круто. Вот Питер помнит, да, Питер?

– Точно! – немедленно откликнулся мальчик и посмотрел на сестру со всем превосходством своих умудренных жизнью двенадцати лет.

– Так вы, значит, строите эти соусники? – осведомился Эгглстоун.

– Не совсем, – вновь улыбнулся Джек. – Я не инженер. По правде говоря, я никогда не мог понять, как работают гравикомпенсаторы. Даже вот учебные клипы Питера специально смотрел и все равно не понял, – он делано хохотнул. – Что делать, физика – не мой конек. Я работаю в маркетинговом отделе.

– Так, так, – покивал Эгглстоун. – И сейчас вы будете убеждать меня, что мне необходимо купить соусник последней модели, в кредит на очень выгодных условиях.

– Нет! – Джек снова рассмеялся, на сей раз искренне. – Вообще-то я не работаю напрямую с клиентами. Для этого есть младший персонал. Но, конечно, если вы заинтересуетесь, я могу скинуть вам наш каталог на е-мэйл, просто, знаете ли, по-соседски... Я не получу с этого никаких процентов, – добавил он, видя насмешливое недоверие во взгляде старика, – даже не узнаю, сделали вы покупку или нет.

– Ну да, конечно, – проворчал Эгглстоун, – вы просто полетите себе дальше, чтобы никогда больше не возвращаться. Кочевники. Цивилизация кочевников. На протяжении тысячелетий именно оседлость считалась признаком цивилизованности, а кочевники были варварами. Варварами, лишенными корней, преемственности и ответственности – что перед прошлым, что перед будущим, что даже перед настоящим. Зачем заботится о чем-то, что-то создавать, что-то возделывать, любить и беречь, если можно просто погрузиться в кибитку и переехать на новое место, которое еще не успели загадать...

– "Хаузер Хаусинг" очень ответственно относится к экологии, – строго возразил Джек. – Наши дома не наносят ущерба окружающей среде. Полный цикл переработки и использование возобновляемых источников энергии. В отличие от домов прошлого, между прочим, топившихся чуть ли не углем, – Джек брезгливо поморщился при мысли о настолько грязном и варварском способе. – После утилизации стационарных городов планета стала гораздо более зеленой

– Да дело, в общем-то, не в этом. Дело в психологии кочевника, у которого нет ничего устойчивого и постоянного. Теперь такими стали все. Семь лет в одном доме, который и домом-то не назовешь – это, по-вашему, уже ужас. А как вы думаете, когда построен этот?

– Ну, я вообще-то не историк... но полагаю, что ему не меньше ста лет. Возможно, даже больше. Скажем, тысяча... девятисотый?

Хозяин дома усмехнулся.

– Мой предок Джеремиа Эгглстоун, приходившийся прямым потомком пилигриму Бигэтту Эгглстоуну, прибывшему в Америку в составе флота Винтропа в 1630 году, построил этот дом в 1753. В следующем году началась война с французами и индейцами, и дом подвергся нападению оттавов¹. Джеремиа отстреливался отсюда, прямо из этого окна, – старик указал на угловую стену, – а его беременная жена стреляла из соседнего. А их служанка перезаряжала ружья, которых было больше, чем рук, способных их держать, и подавала им. Младший брат Джеремии Джошуа и еще один слуга вели огонь из противоположной башни.

¹ Индейское племя, обитавшее на территории современных США и Канады; в войне 1754–63 сражалось на стороне французов.

Джек понял, что окна в этих башнях недаром похожи на бойницы.

– Джошуа был ранен в голову в этом бою, – продолжал Эгглстоун, – индейская пуля, срикошетившая от края окна, выбила ему левый глаз. Однако он продолжал стрелять и даже пытался шутить, что теперь ему легче целиться. В конце концов, когда боеприпасы были уже на исходе, индейцы отступили. И лишь убедившись, что дом удалось отстоять, Джошуа упал без чувств и через несколько минут был уже мертв. А у Эстер, жены Джереми, на почве пережитых потрясений начались преждевременные роды.

Буквально через час подошла британская армия, точнее, колониальное ополчение, которым командовал молодой Джордж Вашингтон, тогда еще, естественно, воевавший на британской стороне. В его отряде был врач, который, конечно, уже ничем не мог помочь Джошуа, однако сумел спасти не только Эстер, но и ее ребенка – большая редкость по тем временам. Этот ребенок получил имя Джошуа в честь погибшего дяди. На следующий год у него появился младший брат Томас.

Когда двадцать лет спустя началась Война за независимость, Джереми было уже пятьдесят, однако он отправился на войну вместе с обоими своими сыновьями. Им двигал не только патриотизм, но и желание отдать долг Вашингтону. Привести под его знамена сына, которого тот когда-то спас...

– Спас, вообще-то, доктор, – заметил вдруг Питер. – А Вашингтон не сделал ничего, на битву с индейцами и то опоздал.

– Питер! – строго воскликнул Джек. – Невежливо перебивать!

– Нет, ну в принципе мальчик прав, – признал Эгглстоун, – хотя отряд Вашингтона не мог подойти раньше. Они вообще не знали, что здесь идет бой. Но, так или иначе, все Эгглстоуны ушли воевать за независимость. Эстер к тому времени уже умерла, а сыновья еще не успели обзавестись женами, так что этот дом несколько лет простоял пустым. Джереми погиб в битве при Саратоге. Томас тоже не вернулся домой – он умер от дизентерии. Смерть на войне не всегда героическая, да. А вот Джошуа повезло несколько больше. Во Второй битве за Саванну ему оторвало ядром обе ноги, но он выжил. Но возвращаться ему было некуда – эти территории тогда контролировали британцы. Ему пришлось в буквальном смысле перебиваться подаванием, прежде чем уже после победы он сумел вернуться в свой дом, чтобы обнаружить, что тот полностью разорен британскими солдатами. Безногий калека в разоренном поместье – незавидная участь, особенно для XVIII века. Однако он не сдался, не опустил руки. Заложив дом и землю, он открыл свою факторию. Скупал меха у трапперов и индейцев, продавал им ружья и порох. Для того, чтобы торговать в лавке, ноги не нужны. Но он не долго торговал один. Нашлась девушка, готовая выйти за героя войны, несмотря на его увечье, и ее родители тоже были не против жениха с собственным делом. Ее приданое помогло расширить бизнес. Джошуа списался с парой бывших сослуживцев и предложил им работать на него с перспективой дальнейшего партнерства. Это позволило открыть две новые фактории, затем еще три. Дом к тому времени был уже благополучно выкуплен, отремонтирован и возвращен к жизни.

К началу XIX века то, что начиналось как одинокий торговый пост в северо-восточных лесах, превратилось в процветающую компанию, торговавшую не только по всему восточному побережью – тогда это практически была вся Америка – но и с Европой. Джошуа умело вел дела, не боясь рисковать крупными вложениями, если чуял возможность опередить конкурентов. Однако все изменилось, когда в Европе разгорелись наполеоновские войны. Англия и Франция пытались удушить друг друга морской блокадой, а страдали от этого американские моряки. И англичане, и французы захватывали наши торговые корабли по обвинению в "контрабанде", то есть доставке товаров для другой стороны, и насильно рекрутировали членов команды в свои флоты. Среди таких захваченных оказался и племянник Джошуа, сын брата его жены. Он так и не вернулся домой, погиб в Трафальгарской битве... В конце концов в 1807, после того, как британцы захватили наш фрегат "Чесапик" прямо в американских водах, терпение

правительства лопнуло, и был принят Акт об эмбарго, призванный ударить по Англии и Франции экономически. Увы, ударил он в первую очередь по нашим же коммерсантам, особенно здесь в Новой Англии. И компания "Эгглстоун и партнеры" разорилась. А война 1812 года добила последние остатки. Британцы тогда взяли Вошингтон и, хотя и не смогли высадиться в Новой Англии, своей морской блокадой окончательно убили американскую торговлю, практически обанкротив всю страну. Джошуа Эгглстоун лишился всего, в том числе и этого дома, отобранного за долги, и вскоре умер, не перенеся крушения дела всей своей жизни. Его сын Натаниэль со своей женой и близнецами Сэмюэлем и Бенджамином отправились в фургоне переселенцев на запад, начинать новую жизнь.

Первое поселение, которое пионеры основали на территории, позже ставшей Канзасом, преследовали неудачи. Неурожаи, потом атаки индейцев, от которых, впрочем, поселенцам удалось отбиться – все это сократило численность населения на треть. Жена Натаниэля тоже умерла холодной и голодной зимой 1816 года, хотя дети выжили, а сам Натаниэль очень неплохо показал себя в боях с индейцами. Наконец, осенью 1822, когда уже казалось, что жизнь начинает налаживаться, пришел торнадо и разрушил город. Большинство жителей успели убежать, но не стали пытаться восстановить город на "проклятом месте" – да и просто не успели бы сделать это до холодов – и двинулись в преддверии зимы на юг, в нынешнюю Оклахому.

Там они встретились с "импресарио" Остином, который по поручению мексиканского правительства приглашал колонистов в Техас – тогда это был еще не Тэксас, а мексиканский Техас, очень слабо заселенный белыми, и мексиканское правительство готово было зазывать поселенцев отовсюду, чтобы обеспечить освоение территории и ее защиту от команчей. Вместе с другими переселенцами – большинство из которых находилось в столь же отчаянном положении, раз согласилось перебраться в чужие и враждебные земли – Эгглстоуны осели на берегу реки Бразос. После того, как при отражении набега команчей погиб шериф городка, жители избрали на эту должность Натаниэля. Оба его сына, когда подросли, стали ковбоями.

Но нельзя сказать, что Эгглстоунам нравилась их новая жизнь на жарком и сухом фронтире под ударами команчей и формальной властью мексиканского правительства. Натаниэль тосковал по Новой Англии, а его сыновьям край их детства, где они счастливо жили с мамой, и вовсе представлялся практически потерянным раем. Они мечтали вернуться и выкупить родовой дом. Увы, Бенджамин эти мечты завели слишком далеко. Не видя лучшего способа быстро разбогатеть, он связался с бандой – а по некоторым источникам, сам поспособствовал созданию таковой. Сэмюэль этот выбор не одобрил, он, напротив, хотел стать шерифом, как отец... Пока бандиты грабили мексиканские поселения на юге, главным образом угоняя скот, ибо больше там взять было нечего, это им сходило с рук, ибо мексиканцы к тому времени были уже в Техасе в меньшинстве, а у их правительства не доходили руки до их защиты, тем паче что там шла своя грызня между фракциями. Хотя Натаниэль был совсем не в восторге от деяний Бена и велел передать ему, что арестует, если тот появится дома. Но когда одновременно с беспорядками в самой Мексике начались волнения в Анахуаке – фактически первые выступления за независимость Техаса – банда не нашла ничего лучшего, чем напасть на мексиканский отряд, перевозивший золото для гарнизона, введенного в Анахуак. Мексиканцы послали солдат, которые не стали гоняться за бандой по прериям, а вошли в город, где, как им, кажется, кто-то донес, местный шериф был отцом одного из бандитов, и потребовали вернуть деньги и выдать убийц их товарищей, пригрозив, что в противном случае весь город будет считаться сообщниками. Горожане, надо сказать, в большинстве своем и впрямь сочувствовали бандитам, которые грабили не их и имели в городе еще нескольких родственников – а теперь и вовсе совершили, можно сказать, патриотический акт. Но в ситуации, когда все они оказались в заложниках, шериф вместе со своим вторым сыном и еще несколькими мужчинами отправились в погоню за бандой и настигли ее на обрывистом берегу Бразоса. Договориться по-хорошему не удалось – как водится, кто-то выстрелил первым, и пошла пальба, в которой погибли почти все

преследуемые и преследователи. Натаниэль был ранен, но Бен ускакал невредимый вместе с двумя поделщиками, а Сэм устремился за ними, пообещав отцу, что вернет деньги и спасет город. Вернулся он один, ведя в поводу лошадь брата. Поперек седла лежало тело Бена, а к седлу был по-прежнему привязан мешок с золотом. Сэм рассказал, что сумел застрелить двух бандитов, а брата уговаривал сдаться, но тот стал стрелять в ответ – в конце концов, мексиканцы его бы повесили – и не оставил Сэму другого выбора, как тоже выстрелить.

Мексиканцы получили назад свои деньги, но перед уходом со злости все равно подожгли город – мол, все вы тут бандиты и мятежники. Это было, конечно, большой ошибкой – если прежде большинство жителей сомневалось, стоит ли лезть в политику, то теперь все они готовы были присоединиться к тexasской революции. Сэм ушел воевать против мексиканцев почти сразу же после похорон брата. Позже к республиканцам присоединился и оправившийся от раны Натаниэль, несмотря на свой уже не самый молодой возраст. В 1836 он погиб в Аламо, но Сэма там не было. Сэм благополучно пережил войну и вернулся домой, в отстроенный после пожара город.

Вот только... на самом деле никто не знает, который из братьев вернулся тогда живым из перестрелки над Бразосом. На нем была одежда Сэма, и ни отец, ни жена Сэма – Бен женат не был – никогда публично не выражали сомнения, что это Сэм. Но были люди, считавшие иначе. В конце концов, Бену был прямой резон выдать себя за убитого брата, чтобы избавиться свою шею от петли. А его отцу не было смысла, потеряв одного сына, терять и второго. Да и жена Сэма, на тот момент беременная, ничего бы не выиграла, признав себя вдовой.

– И предпочла жить, как с мужем, с его убийцей? – возмутился Джек.

– В XIX веке женщине было тяжело остаться одной с ребенком, тем более в такие непростые времена, – пожал плечами Эгглстоун. – Тем более что сама она была сиротой и даже не могла надеяться на поддержку свекра, ибо было неизвестно, выживет ли он после раны. А потом, конечно, уже поздно было откручивать назад. Но, как я уже сказал, Сэм – или тот, кто называл себя Сэмом – покинул город почти сразу и вернулся лишь несколько лет спустя. Может быть, потому, что так жаждал отомстить мексиканцам. А может, предпочел держаться подальше от людей, хорошо знавших обоих братьев. И даже со своим отцом воевал в разных частях, хотя, конечно, в добровольческой армии Техаса им было бы нетрудно перевестись в одно подразделение. Через несколько лет, конечно, детали уже забылись, да и никому уже особо не хотелось ворошить прошлое... Так или иначе, человек, официально именовавшийся Сэмюэлем Эгглстоуном, в дальнейшем жил как законопослушный гражданин. Но слава героя войны за независимость Техаса не принесла ему денег, как не удалось ему разбогатеть и на скотоводстве. Он охранял чужой скот, а не торговал собственным. Новым шерифом он тоже не стал. Даже не пытался выдвинуться на эту должность. Горожане за него бы не проголосовали. Висевшее над ним подозрение, так никогда не доказанное и не опровергнутое, затмевало даже его лавры ветерана. Тем паче что он был не единственным участником войны в городе.

В новой войне с Мексикой, начавшейся в 1846, после включения Тэксаса в состав США, он уже не участвовал, сочтя, что для этого есть люди помоложе. Зато, после того как Джеймс Маршалл нашел в свежееотвоеванной у Мексики Калифорнии золото, Сэмюэль – будем все же называть его так – стал одним из первых участников золотой лихорадки. Шестнадцатилетнему сыну Рональду он велел оставаться дома и заботиться о матери, здоровье которой к тому времени сильно пошатнулось. И вот здесь Сэмюэлю наконец повезло – он действительно намыл достаточно золота и в 1850-м вернулся богатым. Вернулся, чтобы воплотить свою юношескую мечту и перебраться из Тэксаса, за который он воевал, но в котором так и не стал счастливым, в дом своего детства в Новой Англии. Однако здоровье его жены было уже слишком плохим, чтобы выдержать переезд, и Эгглстоуны, хотя и перебрались в более богатый дом и обзавелись черной прислугой, оставались в Тэксасе еще год, пока женщина не умерла. Лишь в 1851 Сэмюэль и Рональд двинулись в путь. Юному ковбою из Тэксаса не особо нравилась идея

переезда куда-то на сырой и холодный северо-восток, где он никогда в жизни не был, но он не решился пойти против воли своего отца.

– А также его денег, – ехидно заметил Джек.

– Возможно, – не стал спорить Эгглстоун. – В конце концов, никто из нас не питается воздухом. Так или иначе, Сэмюэль выкупил родовой дом, заплатив чуть ли не двойную цену – тогдашний хозяин не хотел продавать. Дому было уже почти сто лет, и Сэмюэль затеял большой ремонт и реконструкцию. Однако в первую же зиму простудился, заболел пневмонией и умер.

Первым желанием Рональда, вступившего в права наследства, было снова продать дом и вернуться на родной юг. Однако, чтобы дом был пригоден к продаже, следовало довести начатые в нем работы до конца, и это вынудило юношу задержаться в наших краях. К тому же ему, прекрасно управлявшемуся с конем, лассо и револьвером, но ничего не смыслившему в бизнесе, требовался поверенный, который позаботился бы о размещении унаследованного капитала. Рональд нашел такого поверенного – выходца из семьи, проживавшей в этих краях с XVII века – и заодно познакомился с его дочерью Мюриэль, девушкой не только красивой, но и весьма умной, которая совершенно его очаровала. Хотя он был теперь намного богаче ее, он сделал ей предложение, которое сразу же было принято.

– Неудивительно, – фыркнул Джек.

– Однако в дальнейшем у супругов наметились разногласия, – продолжал Эгглстоун. – Отец Мюриэль считал, что будущее принадлежит промышленному Северу, а не аграрному Югу, и предлагал зятю вложить капитал в индустриальные компании, которые, как он говорил, "скоро полностью изменят лицо этой страны". Однако Рональд к этому времени придумал уже собственный бизнес-план. Он говорил, что машины, возможно, и будут приносить прибыль когда-нибудь в будущем, а хлопок приносит ее прямо сейчас. При этом в Тэксасе, где основой экономики оставался скот, хлопковые плантации были менее распространены, чем в других южных штатах, и Рональд считал, что самое время застолбить эту нишу. Скорее всего, ему просто хотелось вернуться к жизни южного помещика, которую он уже отчасти успел попробовать в последний год жизни в Тэксасе – хотя тогда его отец рассматривал их жилье как временное и не пытался вести какое-либо прибыльное хозяйство. Мюриэль стала на сторону отца, а не мужа, что было необычно по тем временам; ей, очевидно, не хотелось перебираться в далекий Тэксас, пользовавшийся дурной репутацией дикого и опасного места, куда бегут скрывающиеся от закона преступники и неудачники, не нашедшие себя в цивилизованной жизни. В конце концов Рональд согласился на компромисс, решив вложить треть своих средств так, как хотел тесть, а на остальное реализовать свой собственный проект – и Мюриэль пришлось согласиться и уехать вместе с мужем на юг. Она, однако, убедила его не продавать этот дом, который в округе до сих пор помнили как "дом Эгглстоунов", хотя там почти сорок лет жили другие люди. Традиции Новой Англии, знаете ли. Рональд сдал его в аренду тестю за очень скромную плату.

Надо сказать, дела на хлопковой плантации действительно пошли успешно, позволив Эгглстоунам за восемь лет более чем удвоить первоначальный капитал. Отчеты, приходившие с севера, выглядели гораздо скромнее... Ну а потом Юг объявил от отделение, и началась Гражданская война.

– То есть Рональд был рабовладельцем? – спросила Сьюзи, округлив глаза так же, как если бы спрашивала, был ли предок Эгглстоуна вампиром.

– Тогда много кто были рабовладельцами, – пожал плечами старик. – Даже и здесь на Севере. Генерал Грант, к примеру, будущий герой войны и президент... Тогда это считалось нормой, как во времена моего детства считалось нормой держать домашних животных. Сейчас ведь и это считается нарушением прав?

– Негуманно эксплуатировать живые организмы, когда есть электронные аналоги, – строго сказал Джек. – У нас есть киберпес, киберкот и киберкролик. Которые, между прочим, не

гадят, не болеют, не старятся и не умирают.

– Угу – только заменяются новыми моделями, – усмехнулся Эгглстоун. – Ну а в XIX веке было негусто... с электронными аналогами. Но Мюриэль, кстати, это не одобряла. Она говорила, что муж должен освободить рабов и платить им зарплату. Он говорил, что так и сделает... со временем, но пока что они просто не готовы к самостоятельной жизни. Да и зачем платить им деньги, на которые они будут покупать еду, одежду и жилье, если все это за ту же самую работу они получают напрямую. В общем-то, это даже не было лицемерием. Жестоким хозяином он не был, в этом его никто не мог обвинить. Негры в то время...

– Сэр! – возмутился Джек. – Здесь дети!

– Так их тогда называли, – Эгглстоун пожал плечами в очередной раз. – Термин "афамы" тогда еще не придумали. Так вот они в то время вряд ли могли рассчитывать на лучшие условия, по крайней мере бытовые, даже будучи свободными. Причем не только на Юге, но пожалуй что и на Севере. Я не хочу сказать, что Рональд был прав, нет. Но так тогда рассуждали многие. Ну и, в общем, эти их споры продолжались до самой войны. А после сецессии отношения в семье резко обострились. Мюриэль хотела уехать домой, то есть в Новую Англию, а Рональд стал ярким патриотом Конфедерации, что неудивительно. В конце концов, за независимость Тэксаса воевали его дед и отец, и он готов был продолжить эту традицию. Возможно, Мюриэль уехала бы без него, но он не позволил бы ей забрать с собой сына. В те времена при разводе никакой суд не отдал бы ребенка матери вопреки воле отца. И она осталась – и со временем, казалось, примирилась со своей участью жены плантатора-рабовладельца. О возвращении в Союз она больше не заговаривала.

Рональд скоро сделался заметной фигурой среди тэксасских конфедератов.

Преуспевающий плантатор, щедро тративший деньги на дело Юга – он снарядил за свой счет один из батальонов тэксасских добровольцев, а также поставлял армии лошадей, в коих хорошо разбирался еще с ковбойской юности – патриот в третьем поколении, и вдобавок муж очаровательной жены, ставшей хозяйкой салона, который посещали многие видные деятели Конфедерации, включая, например, генерала Росса. О том, что она северянка, никто уже даже не вспоминал. И понятно, что в этом салоне велись разговоры не только о погоде и урожае хлопка.

А в 1863 году разразился скандал. Были перехвачены письма, тайно отправляемые на Север из поместья Эгглстоунов. Мюриэль арестовали прямо во время очередного приема по обвинению в шпионаже и собирались повесить.

– Повесить? – вновь округлила глаза Сьюзи.

– Да, девочка моя. В те времена шпионов наказывали именно так – и на Юге, и на Севере.

Рональд, конечно, сделал все, чтобы спасти жену и заодно свое доброе имя. Формально всю вину на себя взяла черная горничная Мюриэль. Якобы она подслушивала разговоры белых господ и подсматривала бумаги в кабинете у хозяина. На самом деле она действительно участвовала в передаче писем, но, безусловно, не могла их писать. Не требовалось даже проводить почерковедческую экспертизу – бедная девушка была едва обучена грамоте. Но важная роль Рональда как спонсора Конфедерации и личное заступничество генерала Росса заставили судей не особо вникать в детали. Негритянку повесили, а Мюриэль освободили "за недостаточностью улик". Однако ей было неофициально предписано покинуть территорию Конфедерации. Одной. Без сына.

Ей удалось благополучно добраться до Новой Англии, а тем временем Рональд, чья помощь делу Юга доселе была только финансовой, загорелся идеей смыть пятно со своей репутации, лично ведя в бой снаряженных за его счет солдат. И ему это удалось. Но офицером он оказался не столь удачливым, как плантатором. В битве при Геттисбёрге он получил ранение в голову, оставившее его слепым.

Эта битва, как известно, стала переломным моментом не только для Рональда, но и для всей Конфедерации. С тех пор ее дела шли только хуже и хуже, к неизбежному концу. Но Тэксас

сопротивлялся дольше всех прочих. Именно там, уже после капитуляции генерала Ли и ареста президента Дэвиса, состоялось последнее сражение этой войны – битва у ранчо Пальмито, в которой, что примечательно, победу одержали конфедераты. Хотя, естественно, это ни на что уже не могло повлиять... Официально о восстановлении лояльной Союзу гражданской администрации было объявлено лишь в 1866 году, уже после смерти Линкольна. Но этому предшествовали несколько месяцев хаоса и анархии, когда в штате хозяйничали мародеры – как местные, так и прибывшие с Севера под видом так называемой Реконструкции.

Некогда блестящее поместье Эгглстоунов, где собирался цвет светского общества, представляло собой к этому времени мрачное и печальное зрелище. Практически все деньги Рональда были растрочены на войну, а новых доходов давно уже не было – блокада северян прикончила хлопковую торговлю, да и собирать хлопок было уже некому. Негры по большей части разбежались. Остались лишь несколько самых верных, все еще заботившихся о своем увечном хозяине, который целыми днями молча сидел в кресле в комнате с задернутыми шторами. Его сын Джеймс, которому к тому времени исполнилось двенадцать, тоже вел себя необычно тихо для ребенка такого возраста, не решаясь беспокоить отца. В остальном большой дом выглядел пустым и заброшенным... почти как этот сейчас, – невесело добавил Эгглстоун. – Однако мародеры не обошли его стороной. Что именно там произошло, можно лишь предполагать. Вероятно, Рональд, даже слепой, попытался оказать сопротивление непрошеным гостям, и, как ни удивительно, двое негров тоже вступились за хозяина. Тела всех троих были найдены два дня спустя, когда в разграбленный дом зашли солдаты генерала Грэнжера. А ребенок исчез.

Несколько месяцев спустя здесь, в Новой Англии, Мюриэль получила известие о смерти мужа и сына – в извещении говорилось именно о смерти, а не об исчезновении. Не берусь сказать, какими были ее чувства, но, во всяком случае, теперь она могла официально вступить в права наследования того, что осталось. Южное поместье было разорено полностью, но все еще оставались вложения, сделанные Рональдом до войны по совету тестя. Правда, война весьма серьезно подкосила и северную экономику, так что даже и эти вложения выглядели не слишком обнадеживающе. Однако Мюриэль не опустила руки, а проявила деловую хватку, не часто свойственную женщинам той эпохи. И можно не сомневаться, что это была ее собственная хватка – ее отец скончался годом ранее. Она распродала все, что еще было можно, и вложила в ценные бумаги железнодорожных компаний, которые тогда можно было приобрести по бросовой цене, ибо в их доходность верили весьма немногие. Мюриэль же, напротив, полагала, что после войны начнется бурный рост железных дорог.

Первая трансконтинентальная железная дорога, в которую были вложены и деньги Эгглстоунов, была достроена в 1869, и за следующие десять лет пассажиропоток на ней вырос в пять раз. Но прежде произошло еще одно событие. Весенним утром 1867-го в дверь этого дома постучал худой, оборванный и грязный подросток, которого открывшая дверь служанка приняла за нищего и попыталась прогнать прочь, но он не уходил – хотя и не мог ничего членораздельно объяснить – пока на поднятый служанкой шум не вышла сама Мюриэль. И в этом заморыше она узнала Джеймса. У мальчика ушло два года, чтобы без гроша в кармане добраться через всю страну в этот дом. Но рассказать о своих приключениях он не мог, ибо был нем...

– Мародеры отрезали ему язык? – кровожадно осведомился Питер.

– Нет, – покачал головой Эгглстоун, – по всей видимости, всего лишь нервное потрясение, когда у него на глазах убили его отца. Сейчас бы его наверняка вылечили, но в ту эпоху ему пришлось до конца дней изъясняться записками. О том роковом дне он так ничего и не вспомнил. Утверждал, что проснулся на хлопковом поле, сжимая в кулаке записку с адресом этого дома.

Мюриэль успешно вела семейный бизнес, покупая доли в железнодорожных компаниях по всей стране, до 1876 года. По иронии судьбы, погубили ее те самые железные дороги, в

которые она так удачно инвестировала. Во время деловой поездки в Охайо она стала жертвой Аштабульского ужаса – крупнейшей за весь XIX век железнодорожной катастрофы, унесшей жизни почти сотни человек. Двадцатитрехлетнему Джеймсу пришлось принимать управление делами на себя.

И, надо сказать, несмотря на молодость, отсутствие сколь-нибудь систематического образования и неспособность говорить, он решительно взялся на дело и справлялся весьма неплохо, должно быть, унаследовав способности своей матери. И никакие сентиментальные соображения уж точно не помешали ему продолжать вкладываться в железные дороги, ставшие причиной ее гибели. Да и то сказать, не будь у него умения выкручиваться в сложных ситуациях, едва ли он сумел бы, не умея даже говорить, добраться до дома через всю страну, разоренную гражданской войной и не очень-то дружелюбную в ту пору к юным бродягам, коих после войны развелось немало. Он инвестировал напористо и рискованно – но не безрассудно – и, хотя часть этих инвестиций оказывалась потеряна, в целом компания Эгглстоуна росла год за годом. К 1892 году ей принадлежало уже шесть железных дорог регионального масштаба в разных частях страны и доля в еще трех дюжинах, включая "Юнион Пасифик", но этим Джеймс не ограничился. Он приобрел также пакеты акций сталепрокатных компаний, производивших, в частности, рельсы для новых дорог, вкладывался в развитие гостиничного бизнеса, рассчитывая на дальнейшее увеличение пассажиропотока, а также – неофициально, через подставных лиц – купил пару крупных газет, которые помогали ему лоббировать интересы железнодорожных компаний и, в частности, бороться с левым движением Популистов, выступавшим против железных дорог. Покупал он и людей... но не так, как его отец. Я имею в виду взятки конгрессменам. Откровенно говоря, Молчаливого Джима характеризовали как циничного и беспощадного дельца, не останавливавшегося ни перед чем. И то, что он никогда не говорил ни слова, лишь добавляло ему мрачной ауры.

Казалось, он заложил все предпосылки для роста и процветания империи, но все рухнуло, когда разразился кризис 1893 года. Джеймс, как вы уже поняли, следовал принципу не класть все яйца в одну корзину и не боялся убытка на одном участке фронта, который обыкновенно перекрывался прибылью на другом. Но чего он никак не предвидел, так это кризиса, который обанкротит сразу 154 железные дороги, включая "Юнион Пасифик", а заодно ударит и по всем прочим областям экономики. Катастрофа такого масштаба всегда имеет эффект домино даже для самых осторожных инвесторов, а Джеймс, как я уже сказал, любил рисковать. Он даже попытался нажиться на кризисе, скупая стремительно падающие ценные бумаги в надежде на их дальнейший рост. Увы, он недооценил масштабы национального бедствия, и эта попытка контратаковать вместо того, чтобы спасти то, что еще можно было спасти, добила его компанию окончательно. К 1897 году, когда кризис, наконец, закончился, денег у него было немногим больше, чем за тридцать лет до этого, когда он, в лохмотьях и голодный, впервые постучался в дверь этого дома.

15 июля 1897 он уволил последнего остававшегося у него слугу, а также свою секретаршу – смышленную, но некрасивую старую деву, верно служившую своему боссу двадцать лет. Надо сказать, она была единственной женщиной, остававшейся вблизи него все это время. В свои 44 года он так и не был женат, а когда его спрашивали об этом, раздраженно отвечал, что у него нет на это времени...

– Как он мог раздраженно отвечать, если он был немой? – перебила Сьюзи.

– Записками, как всегда, – невозмутимо ответил старик. – У него в таких случаях делался весьма раздраженный почерк. Ну и выражение лица соответствующее. Ходили, конечно, слухи о его... – Эгглстоун вдруг запнулся, бросив смущенный взгляд на девочку.

– Сексуальной эксплуатации секретарши, – чистым детским голоском закончила за него Сьюзи. – Мы проходили про это на интернет-уроках. Сейчас, когда все работают через интернет, такого почти не бывает, а в прошлом от этого страдала каждая третья женщина.

– Ну... наверное, все же не каждая третья... – еще более смущенно пробормотал старик.

– Таковы данные масштабного исследования Института гендерных проблем, сэр, – строго заметил Джек. – Не думаю, что вам следует подвергать сомнению авторитет школьной программы.

– Хорошо, хорошо... но по крайней мере в данном случае это были, скорее всего, не более чем слухи. И если бы вы посмотрели на ее фотографию, вы бы со мной согласились. Короче говоря, он выставил и ее тоже, не считаясь ни с какими чувствами – а с ее стороны, наверное, чувства все-таки были, раз она оставалась с ним до последнего, несмотря на задержки жалования. Затем запер все двери дома на замок и куда-то ушел пешком, никому ничего не объясняя. Ушел и пропал.

Некоторые полагали, что бывший железнодорожный магнат покончил с собой, и его труп вскоре вынесут на берег волны Атлантики или обнаружат где-нибудь в лесу охотники на оленей. Но тело так и не было найдено. Впрочем, люди, знавшие его лучше – и отнюдь не всегда с лучшей стороны – сомневались, что Молчаливый Джим, сожравший с потрохами многих, сдался так просто. Кое-кто даже верно догадался, куда он мог направиться. Как раз в эти самые дни газеты запестрели сообщениями о золоте Клондайка. Но подтверждения этой догадки пришлось ждать еще много лет.

Джеймс действительно отправился на Клондайк, надеясь повторить успех своего деда. Но увы – на сей раз он не оказался в числе счастливицов, которых в этой золотой лихорадке оказалось весьма немного – всего лишь несколько сотен из ста тысяч участников. Большинство возвратилось домой ни с чем... если вообще возвратилось.

Джеймса среди вернувшихся не было. Потерпев неудачу с попытками добыть золото сперва на берегу Клондайка, затем в с трудом пробитой в вечной мерзлоте шахте, он, еле живой, возвратился в Доусон Сити, представлявший собой на тот момент, как бы это сказать, что-то вроде унитаза, куда бросили пачку дрожжей. В городок, где еще недавно жило пятьсот человек, их набилось тридцать тысяч, и, как нетрудно догадаться, нравы там царили не самые добропорядочные. Большинство к тому времени уже разочаровалось в попытках добыть золото самостоятельно и пыталось нажиться на тех, кто еще надеялся это сделать. Продажа и перепродажа участков, спекуляция едой и снаряжением, азартные игры, спиртное рекой и все такое. Джеймс попытался было в этом участвовать – не имея возможности говорить и вынужденный изъясняться записками с теми, кто не очень склонен был читать, да – был избит до полусмерти какими-то бандитами, не успокоился, сумел-таки заручиться поддержкой других бандитов и открыть свой собственный салун с блэkdжеком и... – Эгглстоун бросил взгляд на Сьюзи, – работницами сексуальных услуг, но, едва заведение начало приносить прибыль, его и заодно пару кварталов вокруг уничтожил пожар. Может быть, даже и случайный – они в деревянном городе, отстроенном в разгар лихорадки без всякого плана и мер безопасности, случались нередко. Джеймс вновь остался ни с чем, к тому же ажиотаж лихорадки уже стал спадать, и неудачники покидали Доусон. Однако в это время – это был 1899 – пришло известие о золоте, найденном в Номе на западе Аляски, где оно будто бы валялось прямо на берегу, ходи и собирай. Соискатели устремились туда – кто морем, кто по суше – и Джеймс был в их числе, избрав сухопутный маршрут. Однако до Номы он так и не добрался. Пропал без вести в пути, предположительно замерзнув где-то в снегу, доставшись на обед волкам или провалившись в полынью на Юконе. Такое тогда случалось со многими.

В 1904 году он был официально признан умершим, и, за неимением наследников, этот дом – единственное еще числившееся за ним имущество – был продан с аукциона. Его купил местный банкир. Американская экономика в это время уже переживала бум, и банковский сектор развивался весьма успешно.

Однажды апрельским утром 1917 – почти день в день с тем, как это произошло за полвека до этого – в дверь этого дома постучали. Дочь банкира Розалинда, находившаяся в этот

момент в холле, открыла дверь, думая, что это почтальон; ее отец как раз ожидал важных деловых известий, связанных с недавней революцией в России, где у банка были клиенты, связанные с низложенной императорской фамилией. Она только удивилась, почему почтальон стучит, а не пользуется электрическим звонком, как обычно. Но на пороге стоял...

– Джеймс! – выпалил догадливый Питер. – Он снова вернулся!

– Нет, – покачал головой Эгглстоун. – На пороге стоял юноша в меховой одежде, белый, но внимательный взгляд различил бы в нем примесь аборигенской крови. "Кто вы?" – спросил он на не очень чистом английском, удивленно уставясь на девушку. Розалинда опешила от такого вопроса, адресованного незнакомым гостем хозяйке, но назвала себя. "А вы?" "Я Том Эгглстоун. И это мой дом."

Ну в общем, вы уже, наверное, догадались – попавшего в пургу и замерзавшего в снегу Джеймса подобрали атабасканы². Он получил сильное обморожение и потерял все пальцы, кроме большого, на правой руке, а также большой и указательный на левой, но выжил. Местная девушка выходила его. Несмотря на то, что он не мог ни говорить, ни теперь уже даже писать, и был вполне бесполезен для работы по хозяйству, они нашли общий язык, и она выразила готовность стать его женой. Лишь позже Джеймс догадался, почему она согласилась выйти замуж за белого калеку вдвое старше себя. Дело в том, что ни один из юношей племени не взял бы ее в жены, ибо она сама была полукровкой, дочерью белого, который некогда был любовником ее матери. Своего отца она никогда не видела – он выгнал забеременевшую туземку еще до рождения ребенка – но мать учила ее английскому, которому научилась от него. А она, в свою очередь, научила сына. Отец, сами понимаете, не слишком мог помочь ему с устной речью – разве что кивать или качать головой в ответ на правильные слова и ошибки. А читать Том учился по газете из Доусон Сити, которая была в кармане у Джеймса, когда его нашли.

– А почему Джеймс не вернулся в цивилизацию? – спросил Джек. – Аборигены его не отпускали?

– Нет, он мог уйти, но его жена не хотела жить в чужом ей мире белых. Белых, вообще-то, не жаловало все племя, вынужденное из-за них уйти с родных земель – хотя одному Джеймсу и позволили выбрать, уйти или остаться. Он мог оставить жену и сына, но не захотел сам. Может, не надеялся добраться до цивилизации, имея всего четыре пальца. А может... просто не захотел. И все-таки, когда осенью 1916 он умер, его вдова – которая и сама уже серьезно болела, хотя ей было всего около сорока – велела сыну возвращаться к белым. Сказала ему что-то вроде "рано или поздно они все равно придут сюда, так что лучше уж ты приходи к ним первым." И дала ему бумаги. Каракули, которые сумел накарябать его отец, зажимая карандаш в кулаке левой руки – в том, что осталось от кулака. Имя мальчика – его "белое" имя Том, которое, как я подозреваю, отец дал ему просто потому, что оно короткое – адрес этого дома и то, что я уже вам рассказал.

Понятно, что банкиру очень не понравилось появление живого наследника, делающего сделку по продаже дома юридически ничтожной. Банкир, конечно, заявил – с притворным сочувствием – что у юноши нет никаких доказательств его прав – ни свидетельства о браке родителей, ни свидетельства о рождении, выданного официальным органом, ни вообще какого-либо удостоверения личности. Однако в карманах его парки обнаружилось кое-что другое в придачу к едва читаемым каракулям. А именно – золотой самородок величиной с кулак.

И вот тут настроение банкира резко изменилось. Дело было не в самородке как таковом – стоившем много, но совсем не запредельно в сравнении с капиталом тогдашнего владельца дома – а в том месте, где он был найден. Возможно, это был не Клондаик, не Ном и не Фэйрбэнкс, а какая-то новая, доселе неизвестная и очевидно богатая золотая россыпь. Том, правда, отвечал лишь, что получил самородок от матери, когда она отправляла его в путь, и что она лишь сказала ему, что в мире белых это стоит очень дорого, но ничего о том, откуда у нее это золото. Банкира,

2 Группа племен, населяющих Аляску, в частности, окрестности р. Юкон

однако, этот ответ не убедил. Он считал, что юноша, настроенный матерью относиться к белым недоверчиво, возможно, просто скрытничает. Так что он изобразил всяческое радушие, пригласил Тома быть гостем в его доме столько, сколько тот захочет (обходя при этом стороной тему, кому дом должен принадлежать на самом деле) и обещал помочь выправить все необходимые документы. И действительно помог... убедив Тома показать под присягой, что тот родился в 1899 году, подчистив записи, сделанные его отцом, из коих следовало, что это произошло годом позже. Дескать, это поможет ему быстрее вступить в права наследования, как совершеннолетнему. Не так уж трудно исправить карандашные каракули, верно? Всего-то пририсовать два хвостика к нулям и замкнуть низ у девятки, превратив ее в восьмерку. Но тем самым банкир толкнул юношу на подлог и ложь под присягой, что и собирался использовать, если Том потребует свои права на дом через суд. А доказать, что это подлог, было бы нетрудно – было хорошо известно, когда началась золотая лихорадка в Номе, ради которой Джеймс Эгглстоун покинул Доусон Сити. Но до поры – даже по подделанным документам восемнадцатилетие Тома еще не наступило – банкир продолжал обихаживать гостя, надеясь все же добиться от него более подробных сведений о самородке. Ради чего, собственно, и держал юношу у себя дома, дабы эти сведения не просочились куда-то еще.

Он так ничего и не добился. Том, по всей видимости, действительно не знал, откуда взялось это золото. Может быть, из неизвестной россыпи где-то в тундре, не обнаруженной даже и до сих пор. Может – с того самого Клондайка, откуда атабасканам пришлось уйти, когда туда хлынули белые. А может, бабушка Тома украла этот самородок у своего белого любовника, бывшего одним из первых изыскателей в этих краях, когда тот решил ее выставить. Этого уже никто никогда не узнает.

Я, кажется, сказал, что банкир ничего не добился? Это не совсем так. Кое-чего он добился, только совсем не того, чего хотел. Ну вы понимаете, чего можно добиться, когда в вашем доме живут семнадцатилетняя дочь и симпатичный юноша с романтической биографией. Даже удивительно, как банкир мог об этом не подумать. Вероятно, потому, что в его представлении белый на три четверти Том был туземцем, и он не допускал и мысли, что его утонченная Розалинда может связаться с таким.

Само собой, когда Том и Розалинда явились к нему просить согласия на брак, он был в ярости. Но бесноваться было уже, в некотором роде, поздно. Следует учесть, что нравы Новой Англии в те годы все еще оставались вполне пуританскими, и внебрачный ребенок стал бы серьезным пятном для чести семьи, а выдать дочь с таким "довеском" замуж за более подходящего жениха было бы весьма проблематично, несмотря даже на деньги ее отца. Так что, призвав на голову коварного оболъстителя все проклятья – хотя неизвестно, кто там кого оболъстил на самом деле – банкир подостыл и все-таки процедил свое согласие. Но, само собой, Тома он с этой минуты ненавидел и только и мечтал от него избавиться.

И можно сказать, что его мечта сбылась. После вступления в Первую мировую Америка ввела призыв. Первые две волны Тома не затронули, поскольку призывали мужчин в возрасте от 21 до 30. Но в сентябре 1918, уже под конец войны, границы призывного возраста опустили до 18 и подняли до 45. Если бы не подделанная дата рождения, Том, которому 18 исполнялось только в октябре, не успел бы на войну, но по документам он был на год старше... Что интересно, теоретически в этот диапазон попадал даже тесть Тома, которому 45 исполнялось только в декабре, а финансовое положение, в отличие от эпохи Гражданской войны, никаких легальных способов избежать призыва не давало – закон даже подчеркивал это специально. Но его, конечно же, никто не тронул. Хотя он весьма забавно смотрелся бы в армии. Он был такой классический капиталист из коммунистической пропаганды – с выпирающим животом и неизменной сигарой во рту. Впрочем, он, скорее всего, не прошел бы медкомиссию... А вот у Тома не было никаких проблем со здоровьем, и наличие жены и маленького ребенка, коль скоро таковые имели собственные источники финансового обеспечения, от призыва тоже не

освобождали. Само собой, загребли не всех, кто в принципе был годен, но – было ли то совпадение или банкир попросил, кого надо, в призывной комиссии – так или иначе, буквально за месяц до конца войны Том отправился служить. И пропал без вести в ходе битвы при Блан Мон в Шампани – одном из последних сражений этой войны.

Розалинда пыталась отыскать его после войны, писала в архивы полевых госпиталей и его сослуживцам, адреса которых сумела найти. Но все тщетно, после того боя никто не видел его ни живым, ни мертвым. Три года спустя банкир, отец Розалинды и ныне, по иронии судьбы, наследник собственного зятя, добился, чтобы Тома официально признали умершим. После этого он дважды пытался выдать дочь замуж за более правильных, по его мнению, женихов, но Розалинда наотрез отказывалась, повторяя, что Том жив. Аргумент, что если он жив, но не хочет возвращаться, то это еще хуже, чем если бы он умер, а по закону их брак уже аннулирован, на нее не действовал. Впрочем, банкир недолго наслаждался даже неполным триумфом над ненавистным "туземцем". Я уже упоминал его нездоровый образ жизни. Осенью 1923 у него диагностировали рак легких, и полгода спустя он умер.

У Розалинды не было предпринимательской жилки Мюриэль, поэтому, вступив в права наследства, она предоставила все дела банка совету директоров. А сама занялась проектом создание мемориала американским солдатам, погибшим в Шампани. Когда памятник на месте боев был возведен – по большей части на ее деньги – она, оставив сына на попечение няни, сама приехала во Францию на церемонию открытия. Возможно, она все еще надеялась найти какую-нибудь информацию о муже на месте его последнего боя, но, конечно, шесть лет спустя это были уже совершенно напрасные надежды. Так или иначе, на следующий день после официальных ритуалов со всеми подобающими речами Розалинда поехала обратно и, проезжая через маленький городок, велела шоферу остановиться, дабы пообедать в местном ресторанчике. Уже выходя оттуда, она столкнулась с человеком, который поставлял вино хозяину заведения и как раз привез на телеге очередную партию. И это был Том.

В первый момент он вполне искренне недоумевал, что нужно от него этой женщине. Но потом все вспомнил.

В том бою близкий разрыв снаряда контузил его и засыпал землей в окопе. Ни санитары, ни похоронная команда, обходившая поле боя, его не заметили. Однако под рыхлой землей он не задохнулся и ночью пришел в себя. Ну то есть – условно говоря, пришел. Он не помнил, кто он, где он и что происходит. Просто выбрался из-под земли и побрел, оборванный и окровавленный, сам не зная куда – точь-в-точь зомби из фильмов, которые обретут популярность на сто лет позже. Таким образом он шагал всю ночь, а на рассвете вышел к одинокому дому среди виноградников, и рухнул без сил на порог.

В доме жила женщина по имени Жанна, вдова французского солдата, убитого в самом начале войны. Она выходила раненого, но не спешила сообщить о нем властям. Ей было 28, и она понимала, что ее шансы найти себе нового мужа в стране, где погибло почти полтора миллиона мужчин, не считая искалеченных, не слишком велики – а юный американец сразу ей приглянулся. Как только она поняла, что он не помнит, кто он и откуда – а понимать друг друга они начали далеко не сразу, ибо Том ни слова не знал по-французски, а она по-английски или, тем паче, на языке атабасканов, на котором Том пытался говорить с ней в бреду – в общем, она объяснила ему, что теперь он считается дезертиром и никому не сможет доказать, что ушел из армии в беспамятстве из-за контузии. Так что ему лучше даже не пытаться вернуться в Америку. Война уже закончилась, говорила она – это была правда – американские войска возвращаются на родину, и все, что ему нужно – оставаться в ее домике, где никто не станет его искать. Она выправит ему французские документы, и они заживут вдвоем идиллической жизнью среди виноградников Шампани. Том, который даже и до амнезии имел весьма смутное представление о законах белых людей и который ничего не помнил об оставшихся дома жене и сыне, согласился. Поначалу, быть может, всего лишь из страха быть арестованным за дезертирство, но

вскоре он и в самом деле полюбил Жанну, хотя она и была на десять лет его старше. При достаточной мягкой настойчивости женщины в такой ситуации почти всегда добиваются своего. Она действительно выправила ему документы на имя Жилия Лебрюна – в послевоенной неразберихе это можно было сделать за совсем небольшую взятку, и чиновник выдал бумаги, даже не взглянув на новоявленного француза, едва способного произнести по-французски несколько слов. За шесть лет у них родилось две дочери, Марианна и Франсуаза, а в остальном они жили практически в полном уединении, если не считать сезонных рабочих, нанимаемых для уборки винограда, и периодических поездок в город за покупками и для продажи вина. И вот теперь Том, уже привыкший считать себя Жилем, вспомнил, кто он такой на самом деле.

Понятное дело, что это была трагедия. Он должен был выбирать между новой семьей и старой...

– И банковским капиталом, – усмехнулся Джек. – Трудный выбор, да.

– В качестве владельца виноградника он был, конечно, не столь богат, но не чувствовал себя обделенным, – возразил Эгглстоун. – Это было вполне классическое буколическое тихое счастье. И тем не менее он решил, что должен вернуться домой. В свой настоящий дом, дом своих предков. Этот дом, – старик пристукнул рукой по подлокотнику кресла. – Жанна, конечно, была в ярости, несмотря на то, что он выделил хорошее содержание ей и дочерям. Он обещал навещать девочек, но больше никогда их не видел.

– Почему? – требовательно спросила Сьюзи.

– Так сложились обстоятельства, – развел руками Эгглстоун. – Для начала ему действительно пришлось отвечать на неприятные вопросы о дезертирстве, но заключение врача о полученной им черепно-мозговой травме, следы которой все еще можно было обнаружить, позволило снять обвинение. Затем Том долгое время пытался вникнуть в банковские дела, но в конце концов понял, что это не его. Для человека, выросшего в племени аборигенов Аляски, это были слишком абстрактные материи. Он старался, тем не менее, по мере возможности получить образование, которого не получил в детстве и юности. Стать не дикарем из тундры и не французским крестьянином, а настоящим джентльменом из старинной новоанглийской фамилии, за которого не было бы стыдно ни жене, ни сыну. А в 1929 году разразилась Великая депрессия.

Банки начали рушиться через год позже после биржевого краха, но, поскольку ни Том, ни Розалинда не разбирались в банковском бизнесе, они довольно долго верили своему генеральному директору, что ситуация под контролем. Увы, контролировалась она по принципу "наберем кредитов в надежде, что или ситуация улучшится, и мы сумеем их отдать, или она ухудшится, и наши кредиторы разорятся раньше нас." Хотя нельзя сказать, что правление вовсе не предпринимало никаких мер – нет, они честно пытались разложить яйца по наибольшему числу корзин, но что было делать, когда падать начали они все. Пыльные бури тридцатых, известные как "пылевой котел", практически обесценили сельскохозяйственные земли, автопромышленность осталась без покупателей, шахты загибались, транспортные компании закрывались без заказов – в общем, не осталось ни одной области, которая послужила бы спасительной гаванью. В декабре 1932 гендиректор обналичил все, что еще было можно, и сбежал с этими деньгами. В активе банка не осталось ничего, кроме долгов, отвечать за которые предстояло Тому как формальному президенту. Эгглстоуны потеряли все, включая этот дом. Судебные приставы в буквальном смысле выставили их на мороз. Системы социального страхования, кстати, тогда еще не существовало.

Уходя отсюда, Том поклялся, что вернется в этот дом и вернет его себе. Несколько месяцев семья жила в нищете, перебиваясь случайными заработками; Том был согласен на любую работу, которая позволила бы поправить положение, но таких желающих тогда было множество. В конце концов он стал трактовать понятие "любая" слишком буквально. Сочтя, что честным путем вновь разбогатеть невозможно, он подался в бутлегеры. Это был, по его мнению,

единственный способ сколотить капитал и исполнить свою клятву.

Увы, кончилось это плохо. Кое-что он заработать успел, но во время расчета после доставки первой по-настоящему крупной партии контрабандного спиртного нагрянула полиция. Преступники оказали сопротивление, один из полицейских был убит. Стрелял не Том, а куда более матерый гангстер, которому удалось в итоге уйти, бросив револьвер Тому под ноги. Если бы стрелял Том, его бы отправили на электрический стул, но экспертиза доказала, что он даже не держал револьвера в руках. Сухой закон к тому же был отменен в декабре 1933, пока шло следствие, и бутлегерство само по себе перестало быть преступлением. Однако полиция и суд были отменно злы, им надо было наказать хоть кого-то, и Том получил 15 лет за соучастие в убийстве стража порядка.

Розалинда, некогда дочь преуспевающего банкира и сама совладелица банка, мыла теперь полы в дешевой забегаловке. В официантки ее не взяли, сочтя, что в свои 34 она слишком стара. Джозеф, ее сын, мечтал стать летчиком, но после школы вынужден был работать на строительстве дорог, которое организовал Рузвельт в рамках общественных работ. И даже когда Великая депрессия, наконец, закончилась, для Эгглстоунов ничего не изменилось к лучшему. Они находились на самом дне и не видели выхода. А в декабре 1941 японцы напали на Пирл Харбор, и Америка вступила во Вторую мировую войну.

Джозеф был призван в армию – не в авиацию, как он мечтал, а в пехоту – и вместе со своими товарищами был переброшен на Филиппины в тщетной попытке остановить японское наступление. Увы, Филиппинская кампания окончилась полным разгромом союзников – 25 тысяч было убито, 100 тысяч попали в плен. Из них, правда, собственно американцев – примерно пятая часть, остальные – их филиппинские союзники, но все равно, это считается худшем поражением за всю историю вооруженных сил США. Джозеф тоже не смог вырваться из этой мясорубки, и его матери пришло письмо о его смерти.

Это известие окончательно подкосило Розалинду. Она уже и раньше прикладывалась к бутылке, а теперь стала пить беспробудно и в 1943 умерла, захлебнувшись собственной рвотой.

– Фууу... – поморщилась Сьюзи.

– Это правда жизни, девочка, – ответил Эгглстоун. – Какой-нибудь фанатичный сторонник сухого закона сказал бы, что это достойный конец для жены бутлегера... но я не моралист, я просто рассказываю историю моего рода. Которая на тот момент выглядела закончившейся... но, как вы можете догадаться по моему здесь присутствию, на самом деле это оказалось не так.

Через три месяца после смерти жены Том вышел на свободу. Его прошение об условно-досрочном освобождении было удовлетворено. У него не осталось ничего – ни жены, ни сына, ни дома. Осталась лишь его клятва вернуть последний, превратившаяся для него, в некотором роде, в навязчивую идею. Но он больше не пытался добыть деньги криминальным путем, а снова попытался их заработать... во всяком случае, некоторый стартовый капитал, который потом можно было бы во что-то вложить...

– С его-то бизнес-способностями? – усмехнулся Джек.

– И с отсутствием образования, позволяющего получить какую-либо престижную профессию, да еще и с тюремным прошлым, – кивнул Эгглстоун. – И тем не менее он не сдался, как Розалинда. Он нашел работу – тяжелую, но за нее хорошо платили. В Канаде. На шахте. В компании, которая тогда называлась Eldorado Gold Mines, но там добывали не золото. А уран для Мэнхэттенского проекта.

Представления о воздействии радиации на человека и, соответственно, о нормах безопасности были тогда еще весьма приблизительными. Медики получили достаточно материала для исследований лишь после Хиросимы и Нагасаки... А Том еще и регулярно перерабатывал норму, желая заработать как можно больше. Пока мог это делать. Проблемы со здоровьем у него начались уже в сорок четвертом, а в сорок пятом, когда он больше не мог уже

оттягивать обращение к врачу, ему поставили смертельный диагноз. В день, когда плоды его труда поднялись огненным грибом над Хиросимой, он лежал в палате для безнадежных, так и не достигнув своей цели. Денег, которые он заработал своим самоубийственным трудом, не хватило на выкуп дома. Сами понимаете, старинный трехэтажный особняк стоил дорого. Намного больше, чем может заработать шахтер, даже и на урановой шахте. Более того – теперь все эти деньги уходили на оплату медицинских счетов. Которые все равно не могли его спасти. Очень справедливо устроен этот мир, не так ли?

Вторая мировая война закончилась 2 сентября 1945, хотя фактически Япония капитулировала тремя неделями раньше. А еще через три дня в Америку вернулся Джозеф, освобожденный из японского плена. Он еще успел застать своего отца живым, но, можно сказать, Том умер у него на руках. "Верни наш дом!" – это были его последние слова.

Никто не относился к пленным так плохо, как японцы – в этом они переплюнули даже русских коммунистов – так что Джозеф прошел через настоящий ад. Однако там он обзавелся и настоящим другом. Тимоти Браун, пилот. Джозеф спас ему жизнь во время Батаанского Марша Смерти, во время которого погибло, по разным оценкам, от пяти до восемнадцати тысяч пленных. Последние тридцать километров Джозеф фактически тащил Тимоти на себе... Позже, узнав о мечте Джозефа стать летчиком, Браун обещал, что научит его, если они оба вернутся живыми домой. И исполнил свое обещание. После войны Браун открыл свою летную школу в штате Нью Йорк, откуда он был родом, и Джозеф стал одним из первых его студентов – притом, что это обучение обходилось ему бесплатно, а жил он попросту в ангаре на аэродроме. Впоследствии Джозеф сам выучился на инструктора, и они с Брауном стали партнерами. После войны американская экономика переживала бурный рост, и дела у компаньонов шли хорошо – они постепенно расширяли бизнес, наняли еще нескольких пилотов, занимались не только обучением курсантов, но и чартерными рейсами. Впрочем, авиационный бизнес требует значительных расходов, так что денег на выкуп родового гнезда у Джозефа все не было, да и он, надо сказать, вспоминал о последних словах отца все реже. В 1949 Джозеф женился на собственной курсантке по имени Кэролайн, сделав ей предложение сразу после того, как она сдала экзамен на пилотский сертификат. В следующем году у них родилась дочь Саманта, еще через год сын Стив. Летом 1960 Джозеф взял отпуск, чтобы отправиться с семьей в воздушное путешествие на Аляску. Он и его жена катали детей на самолете и раньше, но это должно было стать первым большим семейным путешествием. Они вылетели на принадлежавшей партнерам "Сессне", только что прошедшей ежегодное техобслуживание. И сразу же после взлета мотор заглох. Самолет не успел набрать достаточную высоту, чтобы спланировать на безопасное место, и врезался в деревья. Кэролайн, занимавшая место второго пилота, погибла, а сам Джозеф получил перелом позвоночника. Дети, сидевшие на заднем сиденье, отделались незначительными травмами.

Расследование показало, что при техобслуживании не докрутили какой-то болт. Джозеф получил не только страховку, но и внушительную компенсацию через суд с компании, проводившей техобслуживание. Само собой, это не могло вернуть ему ни жену, ни здоровье. Передвигаться отныне он мог только в инвалидном кресле, а пилотское было для него закрыто навсегда.

После этого он больше не желал иметь дела с авиацией. До конца жизни он не летал даже рейсовыми самолетами. Свою долю в совместной с Брауном компании он продал и лишь теперь вспомнил об обещании, некогда данном умирающему отцу – вернуть дом Эгглстоунов. Теперь у него было для этого достаточно средств.

Со времени Великой депрессии дом сменил несколько владельцев и по состоянию на 1962 год пребывал в довольно-таки жалком состоянии. Он принадлежал банку, нуждался в серьезном ремонте и уже несколько лет стоял необитаемый. Стоимость этого ремонта отпугивала потенциальных покупателей, особенно учитывая, что для одной семьи дом выглядел

слишком большим, а для офиса компании размещался слишком на отшибе. Детям Джозефа, впервые увидевшим дом в его тогдашнем состоянии, он тоже не понравился. "Мы что же, будем жить в этом доме с привидениями?" – спросила Саманта. Однако Джозефу это подало бизнес-идею. Он перестроил дом в гостиницу, которую так и назвал – Haunted House Inn. Все было оформлено в максимально готическом стиле, туристам обещали "погружение в мрачный и таинственный мир легенд Новой Англии". Тут расположение на отшибе из недостатка превращалось в достоинство. Утверждалось даже, что в доме в свое время гостил сам Эдгар По, именно здесь задумавший "Маску красной смерти". Один из номеров воспроизводил черную комнату с часами эбенового дерева, якобы и вдохновившую По.

– Это недобросовестная реклама! – строго перебила Сьюзи.

– Ну, – улыбнулся Эгглстоун, – это подавалось не как факт, а как одна из легенд дома. Часы, по крайней мере, действительно были антикварные. В общем, проект имел успех, гостиница действительно со временем сделалась популярной. Впрочем, Стива гостиничный бизнес не привлекал. Он, фактически проведший первые девять лет своей жизни на аэродроме, хотел стать летчиком, несмотря на катастрофу. Но его отец не желал об этом слышать и даже взял со своего старого друга Брауна – с которым они теперь лишь перезванивались, со временем все реже – взял обещание, что он не станет учить Стива, если тот к нему обратится. Само собой, в стране было множество других летных школ, но обучение стоило больших денег, достать которые без помощи отца Стиву было неоткуда. И тогда он избрал военное училище, где можно было научиться летать за государственный счет, но с обязанностью потом отслужить минимум двенадцать лет. Война во Вьетнаме уже шла, и Стив понимал, куда может попасть, но его это не остановило. Собственно, он мог попасть туда и без всякого летного училища, просто по призыву.

Ну а Саманту авиация не интересовала, не говоря уже об армии, разумеется. Она поступила в Бостонский университет – но, увы, не особо преуспела в учебе. Это было как раз время расцвета хиппи, и Саманта на первом же курсе ушла во все это с головой. Рок-н-ролл, травка, "свободная любовь". В 1969 она забеременела неизвестно от кого – сама она утверждала, что это был Чарли Воттс, барабанщик "Роллинг Стоунз". Хотя кто там на самом деле трах... – Эгглстоун покосился на Сьюзи, – в смысле, имел с ней незащищенный секс в наркотическом угаре после очередного рок-концерта, вряд ли знала даже она сама. Так или иначе, она бросила учебу и решила, что будет рожать ребенка от "великого музыканта". Так появился на свет Чарли, которого Саманта именовала "Чарли Младшим".

А Стив действительно отправился воевать во Вьетнам. И погиб в 1973, уже перед самым выводом войск. Он действительно был сбит и не успел или не смог катапультироваться. Тело обгорело до неузнаваемости, поэтому родные еще какое-то время надеялись на чудо. Хотя, конечно, летчик – не пехотинец, среди обломков самолета в принципе не мог оказаться кто-то другой. И на сей раз никакого чуда с возвращением годы спустя действительно не случилось. На Арлингтонском кладбище и в самом деле упокоился Стив.

Но, как бы ни относиться к легкомыслию Саманты, а благодаря Чарли род Эгглстоунов не пресекся. Впрочем, после рождения ребенка Саманта очень переменилась, забросив все контркультурные глупости и полностью посвятив себя сыну. Кто бы ни был его отцом, никаких музыкальных способностей Чарли не проявил. Он не мог спеть даже самую простую песенку, не фальшивя. Его интересовали только компьютеры. В 12 лет он написал свою первую игру. В 14 – свой собственный язык программирования. В 17 взломал сервер "Майкрософт" и оставил там послание с описанием использованной им дыры и метода взлома, а также свои координаты. После чего восстановил защиту, устранив дыру. С ним связались и предложили работу. На тот момент он стал самым молодым штатным сотрудником "Майкрософт", занятым на полный рабочий день.

Он сделал там хорошую карьеру, однако в 1996 – ему было 26 лет – решил уйти оттуда, чтобы основать свою собственную компанию. Этому поспособствовали и семейные

обстоятельства. За несколько месяцев до этого в гостинице "Дом с привидениями" произошел пожар. Никто не погиб, однако серьезно пострадали пятеро постояльцев, включая троих детей, плюс еще полтора десятка человек наглотались дыма или получили простуду и легкие обморожения, выскакивая среди ночи на мороз. Собственно, эти самые дети и были виновниками несчастья – им вздумалось в полночь проводить в "комнате Эдгара По" некий колдовской ритуал со свечами, кажется, они намеревались вызвать дух самого По... Но с них, естественно, взятки были гладки, а судебные иски от пострадавших обрушились на владельцев гостиницы, якобы не обеспечивших должную безопасность. Хотя, заметим, система сигнализации и пожаротушения сработала весьма эффективно, а пресловутые свечи юные оккультисты не взяли в гостинице, а принесли с собой. Материальный ущерб оказался не слишком велик – частично выгорел только третий этаж – и был покрыт страховкой. Но судебные иски в сочетании с негативным пиаром в прессе – мол, именно "сатанинский культ потустороннего", которым была проникнута вся гостиница, подвиг детей сделать то, что они сделали – привели гостиницу к банкротству и закрытию. Вскоре после этого – вероятно, не перенеся крушения второго и последнего дела своей жизни – умер Джозеф. И вот тогда вернувшийся домой Чарли решил, что он не просто восстановит дом, но и вновь перестроит его, чтобы основать здесь офис своей компании. Причем это был, можно сказать, виртуальный офис. На первом этаже жили Чарли и его мать, а на двух других только мигали лампочками мощные серверы. Все остальные сотрудники Чарли работали удаленно. Сейчас так делают все, а для 1996 года это был весьма новаторский подход.

Компания Чарли не получила такой известности, как "Майкрософт" или основанный позже "Гугл" – тот самый, от которого пошло слово "гуглить" – но это потому, что она не работала с простыми пользователями. Она занималась разработкой сетевых технологий для крупных корпораций, нуждавшихся в обработке больших объемов данных. Бум "доткомов", то есть интернет-компаний конца столетия, стал ее звездным часом. Но в 2000-м за бумом последовал обвал, и компания Чарли лишилась большей части своих заказов, с понятными последствиями. К концу года юридически она еще существовала, но фактически от нее остались только сам Чарли, доменное имя и давно не обновлявшийся вебсайт. И вот пока Чарли думал, куда теперь направить усилия – ему представлялась перспективной идея социальных сетей – на его e-мэйл пришло письмо. Некий программист – Чарли даже не обратил внимания на его имя – искал работу. Чарли, усмехнувшись, очевидно, такой наивности, хотел отправить стандартный формальный ответ – мол, благодарим за интерес к нашей компании, но в данный момент не нуждаемся – когда обратил внимание на приписку после резюме: мол, простите мое любопытство, но правильно ли я понимаю, что Том Эгглстоун, после Первой мировой войны живший во Франции под именем "Жиль Лебрюн" – ваш прадед?

Чарли, надо признать, не особо интересовался семейной историей. Он был весь устремлен в будущее, а не в прошлое. Имя Тома он когда-то от деда слышал, но не имел понятия о французском отрезке его биографии. Однако теперь он перечитал резюме, обратив внимание на имя – Элизабет Лебрюн, 1976 года рождения. В свои 30 Чарли оставался классическим гиком, которого интересовали компьютеры, а не девушки. Но девушка, знавшая C++ и еще полдюжины языков программирования, способна была привлечь и его интерес. Он поискал информацию о своем предке в интернете (без особого успеха), затем пошел к матери и выяснил у нее все, что она знала. А затем отправил письмо Элизабет, желая узнать, что знает она.

В общем, выяснилось следующее. Хотя их мать Жанна вернула себе прежнюю фамилию, Марианна и Франсуаза остались, естественно, с фальшивой фамилией отца, на которую были зарегистрированы. Во время Второй мировой и оккупации старшая из сестер, Марианна, участвовала в Сопротивлении, была арестована и умерла в нацистском концлагере. А вот судьба Франсуазы стала, можно сказать, противоположной. Она закрутила роман с германским офицером и забеременела от него. Увы, после изгнания оккупантов "галантные" французы

обошлись с их бывшими любовницами с совершенно средневековой дикостью. Их брили наголо, рисовали на голове свастики, раздевали до нижнего белья и водили в таком виде напоказ по улицам. Франсуаза тоже не избежала этой участи, хотя и уверяла, что связалась с эсэсовцем лишь для того, чтобы облегчить участь своей сестры. Беременность ее тоже не спасла – напротив, выпирающий живот служил наглядным доказательством вины. Пережив такое унижение – и опасаясь за дальнейшую судьбу ребенка – она не захотела оставаться во Франции и эмигрировала в Канаду, дабы поселиться во франкоязычной части этой страны. В ее прошении об убежище была изложена уже новая версия – что якобы нацист изнасиловал ее как сестру подпольщицы, а теперь ее жизни угрожают "бывшие коллаборационисты, перекрасившиеся в патриотов". Ее сын родился на пароходе, идущем в Канаду, но впоследствии прожил практически всю свою жизнь в Квебеке, где сделал довольно скромную карьеру муниципального служащего. Элизабет была его единственной дочерью. Будучи не слишком красивой девушкой в очках, она больше интересовалась книжками, чем парнями, и в университете стала чуть ли не единственной студенткой в своей группе, пожелавшей изучать компьютерную науку – в коей, однако, вполне преуспела.

Ну и, хотя Чарли на тот момент не мог предложить ей работу, во всяком случае, оплачиваемую, у них завязалась переписка, быстро вышедшая за рамки деловой, затем общение в видеорежиме, затем она приехала к нему в гости... ну и в итоге в августе 2001 – после совместной работы над проектом, который с точки зрения Чарли был проходным, но позволял заработать достаточно денег для нового старта – они поженились. Вновь соединив, таким образом, две линии Эгглстоунов – хотя Элизабет и не носила прежде эту фамилию. Они отправились в свадебное путешествие, намереваясь объехать всю Америку вдоль побережья по часовой стрелке. Утром 11 сентября 2001 они поднялись на смотровую площадку Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Пофотографировали. Спустились вниз. Внизу Чарли понял, что выронил карту-ключ от номера отеля, когда доставал фотокамеру. Сказал: "Подожди здесь, я быстро, наверняка она еще там валяется", снова сел в лифт и поехал наверх. В этот момент в здание врзался самолет...

– Он погиб? – понимающе спросила Сьюзи.

– Очевидно, он так и оставался в кабине застрявшего лифта вместе с другими пассажирами, пока здание не рухнуло. Социальная сеть, задуманная Чарли, так и не появилась на свет; почти тремя годами позже Цукерберг создал свой "Фэйсбук", который был, вообще-то, куда хуже... А Элизабет тогда вывели пожарные. И через восемь месяцев родился я. Соединив в себе, таким образом, кровь пилигримов, пионеров, ковбоев, южан, аборигенов Аляски, французских крестьян, германского эсэсовца и даже, возможно, барабанщика "Роллинг Стоунз". Но сам я не могу похвастать экзотической биографией. Я был всего-навсего профессором американской истории... преподавал, пока мою должность не сократили, как и тысячи других преподавательских должностей по всей стране. Зачем нужны живые профессора, если всегда можно загрузить лекции и другие учебные материалы из интернета? Да и кому сейчас вообще интересна американская история... Вскоре уже даже и самих зданий университетов не осталось, кроме парочки признанных историческими памятниками, где, впрочем, давно уже никто не преподает и не учится... Но теперь вы понимаете, мистер...

– Смитсон, – вновь улыбнулся Джек.

– Смитсон, да. С этим домом, так или иначе, связана вся история этой страны. Когда она еще была страной, а не угольями кочевников. Многие мои предки шли на все, чтобы вернуться сюда и жить здесь. И теперь вы предлагаете мне отдать мой дом на "утилизацию", то есть позволить распылить его на молекулы, и переселиться в летающий соусник, мотающийся туда-сюда, как перекасти-поле? С гарантийным сроком в пять лет, или сколько он у вас там...

– Нуу... – протянул Джек, – при всем уважении... когда-то наши предки ходили в шурах. Не знали ни металла, ни электричества. Это же не значит, что и мы должны вести себя так же?

– Какой-нибудь италик времен Темных веков тоже мог бы сказать: "Наши предки строили амфитеатры и акведуки, но это же не значит, что и мы должны..."

– Летающие дома – это не Темные века. Они дали людям подлинную свободу, избавили от привязки к одному месту...

– Во времена моей юности тоже были люди, жившие в трейлерах, таких фургонах на колесах. Но, знаете ли, их никто не воспринимал как элиту и образец для подражания. Строго наоборот – это были нищие, которые не могли позволить себе нормальный дом. Не Темные века, говорите? Вы разрушили города, вы уничтожили книги...

– Зачем нужны бумажные книги, если есть интернет? – перебил Джек. – Только лишняя тяжесть в полете.

– Вы утратили знания... – не слушая, продолжал старик

– Ну, неправда! Уровень технологий сейчас выше, чем когда-либо!

– Сколько поколений ваших предков вы помните, мистер Смитсон? Можете назвать имя хоть одного вашего прадеда?

– Ну... – замялся Джек. – А зачем, собственно? Если вдруг понадобится, я всегда смогу погуглить в архивах...

– Не можете, – констатировал Эгглстоун. – И как работают эти ваши гравикомпенсаторы, вы тоже не знаете. Старое знание вы утратили, а нового не приобрели. За вас думает интернет. А вы просто как бабочки, бездумно порхающие с цветка на цветок. Они тоже умеют летать, но это не делает их цивилизацией... Впрочем, они хотя бы опыляют цветы. А ваша культура бесплодна. Вы отказались от всего постоянного, прочного, подлинного. Дома, которые не стоят на месте и которые неприлично не менять дольше пяти лет, потому что "Хаузер Хаусинг" и иже с ними нужно кому-то впаривать новые модели. Не удивлюсь, если скоро у вас станет неприлично дольше пяти лет жить с одним супругом – ведь на свадьбах и разводах тоже кто-то делает деньги... Соседи, с которыми вы знакомитесь на несколько дней, пока ваши соусники стоят рядом, чтобы больше никогда в жизни не вспомнить друг о друге. Синтезированная пища, электронные животные, компьютерная графика вместо живых актеров, даже спорт... у вас ведь уже даже живых спортсменов не осталось, вы болеете за виртуальные команды!

– Никакие живые спортсмены прошлого не показали бы такой класс и красоту игры, как симулированные! – возразил Джек. – Зачем цепляться за старое, если новое лучше?

– Боюсь, вы не поймете, – вздохнул Эгглстоун.

В ухе у Джека мелодично запел сигнал вызова.

– Где вы там пропадаете? – это, конечно, была Мэри. – Скоро уже стемнеет. Хотели же просто немного прогуляться перед ужином.

– Да, дорогая, – ответил Джек, внезапно почувствовав, что и впрямь проголодался. – Мы тут просто зашли в гости к соседу.

– Ты же говорил, тут нет никаких соседей на тридцать миль вокруг. Или прилетел кто-то еще?

– Нет... но я лучше потом тебе расскажу. Можешь запускать синтезатор, мы скоро будем. Вы извините, – Джек вновь улыбнулся Эгглстоуну, – но жена уже ждет нас к ужину. Спасибо вам за ваш рассказ. Было очень интересно, да, дети?

– Угу... – без энтузиазма откликнулся Питер, который явно предпочел бы найти в старом доме обтянутый паутиной скелет, обещанный сестрой, а не скучного старика-пенсионера, разглагольствующего о никому уже неинтересных временах.

Вся троица поднялась.

– Осторожнее при спуске, ступеньки крутые, – напутствовал их Эгглстоун. – И действительно темнеет уже.

"Почему бы, в таком случае, не включить свет? – подумал с раздражением Джек. – В нормальном доме это произошло бы автоматически." Но вслух он этого, конечно, не сказал, а

лишь коротко кивнул хозяину и пожелал ему хорошего вечера. Приглашать Эгглстоуна нанести ответный визит он не стал. Тот тоже не предложил заходить еще.

Смитсоны благополучно спустились по лестнице (в холле царил уже полный мрак), вышли на улицу, обогнули башню, и, не оборачиваясь, зашагали прочь под выцветающим вечерним небом, туда, где ждал их свежесинтезированный ужин, всегда готовые играть киберлюбимцы и виртуальные шоу на все вкусы.

Человек, назвавшийся Эгглстоуном, с усмешкой проводил их взглядом, стоя у окна. Топают к своему дому, приземлившись где-то там, за холмом, и – будь он сколь угодно устаревшей модели – стоящему многократно больше, чем Роджер видел за всю свою жизнь. "Могу скинуть вам наш каталог." Ха! Знал бы этот хлыщ, какой жестокой иронией это звучит! Да если бы он, Роджер, мог позволить себе хоть самую дешевую модель из этого каталога...

Его настоящая фамилия была Джонс, и он не знал имен не то что своих прадедов, но даже своего отца, которого никогда не видел. Мать называла такового исключительно "тот сукин сын", не забывая добавлять "и ты весь в него". Он появился на свет сорок шесть лет назад (он знал, что рано поседевшая борода заставляет его выглядеть намного старше, и легко увеличил свой возраст в своем рассказе), в трейлер-парке, и это было еще не худшее жилье в его жизни. В последние тридцать лет у него не было даже такого – во всяком случае, легально. Никаким профессором он, конечно, никогда не был, у него не было денег даже на то, чтобы окончить колледж. Но книг, в том числе и исторических, он и в самом деле перечитал много, в то время, когда их массово выбрасывали в мусорные баки. Это было еще до эры летающих домов, но от бумажных книг повсеместно избавлялись уже тогда, в том числе и университетские библиотеки. Именно в одной из этих книг ему попался список первых колонистов Массачусетса и бросилось в глаза имя "Бигэтт Эгглстоун", и он подумал, что хотел бы иметь такую звучную старинную фамилию вместо банального "Джонса". Хотя это, конечно, далеко не самое важное, что он хотел бы иметь...

Увы – у него не было ничего, что положено иметь в современном мире. Ни денег, ни жилья (пусть даже не летающего, о котором он мечтал всю жизнь, пусть самой скромной древней хибары, но по праву принадлежащей ему), ни способностей, чтобы все это заработать. Он не умел ни рекламировать, ни продавать, ни спекулировать на электронных биржах, ни (хотя это ценилось гораздо дешевле) хотя бы проектировать и обслуживать все эти высокотехнологические навороты. Пожалуй, единственное, что он умел делать хорошо – это придумывать истории. Научился еще в детстве, когда забивался в угол трейлера, зажимая уши, чтобы не слышать, как мать ругается или трахается с очередным хахалем – и представлял себе, что он путешествует по какой-нибудь чудесной стране, ищет сокровища, разгадывает древние тайны и все такое прочее. Но кому это нужно в мире, где в интернете в свободном доступе – или по символической подписке – лежат миллионы книг, не говоря уже о фильмах и виртуальных шоу? Кто станет платить за еще десяток-другой историй? Даже если это будут хорошие истории – никто об этом даже не узнает без рекламной кампании, которая стоит примерно столько же, сколько летающий дом.

Та "сага об Эгглстоунах", которую он выдал Смитсонам, была, конечно же, чистой выдумкой, импровизацией на ходу. Но получилось неплохо; он даже немного жалел, что некому было это записать (впрочем, он никогда не записывал свои выдумки, точнее, бросил это совершенно бесполезное занятие еще в юности). Хотя, если бы эти типы что-то смыслили в американской истории, то могли бы поймать его на нестыковках. Например, Вашингтон не воевал с индейцами так близко к атлантическому побережью, а ковбойская культура расцвела в Тэксасе уже после присоединения к США, и первый револьвер Кольта появился лишь в 1836, уже после описанной им перестрелки над Бразосом... Но где им знать такие тонкости, они едва отличают Войну за независимость от Гражданской (ну да – там и там тринадцать территорий решили отделиться от метрополии, результат, правда, вышел различный – но в обоих случаях

морально правыми, как всегда, считают победителей). Один раз, правда, девчонка чуть не подловила его на "раздраженных ответах" немого. Но это все ерунда. Им, законопослушным обитателям своего благоустроенного мирка, и в голову не пришло бы, что он не тот, за кого себя выдает, и имеет не больше права находиться здесь, чем они сами.

Эпоха массового переселения в летающие дома поначалу стала раем для бомжей вроде него. К их услугам были тогда не то что брошенные дома, но целые брошенные города. Однако счастье, как водится, длилось недолго. После ухода жителей пришли утилизаторы. Официально покинутые людьми жилища уничтожались под экологическими лозунгами "восстановления зеленой Земли" – ну и для того, чтобы расчистить посадочные площадки, конечно, особенно в сразу ставших популярными у новых кочевников южных штатах. Но настоящая главная причина, очевидно, была – чтобы заброшенные города не превращались в неподконтрольные властям клоаки, кишасшие бомжами, у которых нет денег на летающий дом. Хотя, если вдуматься, кто были пионеры, осваивавшие эту страну два столетия назад?. Те же самые бомжи.

Так или иначе, в последние двадцать лет на территории Америки трудно найти даже сарай, где можно поспать под крышей или переждать дождь. Исторические памятники с их сигнализацией и охраной, конечно, не в счет. Есть, правда, официальные приюты для бездомных, но они мало чем отличаются от тюрьмы. Там вживляют чип, позволяющий Департаменту здравоохранения и социальных служб отслеживать все перемещения неудачников, не вписавшихся в систему, а этого Роджер категорически не хотел.

В общем, помимо самодельных шалашей и тому подобных укрытий, приют можно было найти разве что в зданиях, еще оставшихся в частной собственности упертых консерваторов, но таких домов оставалось все меньше, и в большинстве из них жили хозяева. Роджеру сказочно повезло, что, забредя так далеко на север, он обнаружил этот. Он почти умирал от голода, когда добрался сюда. Нет, конечно, помощь можно было вызвать в любую минуту, за ним бы прилетели. И поставили бы чип.

Роджер не убивал хозяина этого дома. Старик умер сам. По меньшей мере пару лет назад, так что уже невозможно было сказать, от чего именно. Но его комп продолжал работать, и настроенный софт делал все, что положено – получал за хозяина пенсию, заполнял налоговые декларации и оплачивал счета. Даже отправлял поздравления каким-то дальним родственникам или знакомым по заложенным в базу датам (в безразмерном почтовом ящике старика, в свою очередь, копились такие же поздравления от чужих программ). Роджеру не составило труда найти пароль, позволивший регулярно заказывать еду, которую доставляли дроны. Больше он не стал менять ничего.

Даже останки хозяина, покрытые пылью и паутиной, по-прежнему покоились в таком же кресле в противоположной башне. Роджер ограничился лишь тем, что запер там ставни и дверь. Даже прожив всю свою взрослую жизнь бомжом, прикасаться к мертвечине он брезговал.

Теперь у него, можно сказать, впервые в жизни был свой дом. Увы, не летающий, но все лучше, чем ничего. Не похоже, чтобы наследники хозяина, если таковые вообще были, проявляли какой-либо интерес к этому месту, как и к самому своему родичу – да и вряд ли стационарные дома сейчас еще что-то стоят. Когда он впервые увидел Смитсонов, то испугался, что они могут быть родственниками настоящего владельца, но быстро понял, что это не так. Они, конечно, больше не станут его беспокоить. Он вполне убедительно разыграл старого брюзгу, вещающего высокопарную чушь с видом нравственного превосходства. Люди таких не любят. Впрочем, могут прилететь и новые любопытные. Но он выпроводит и их точно так же.

Пожалуй, единственное, что его беспокоило – это грядущая зима. Зимы в этих краях должны быть холодные.